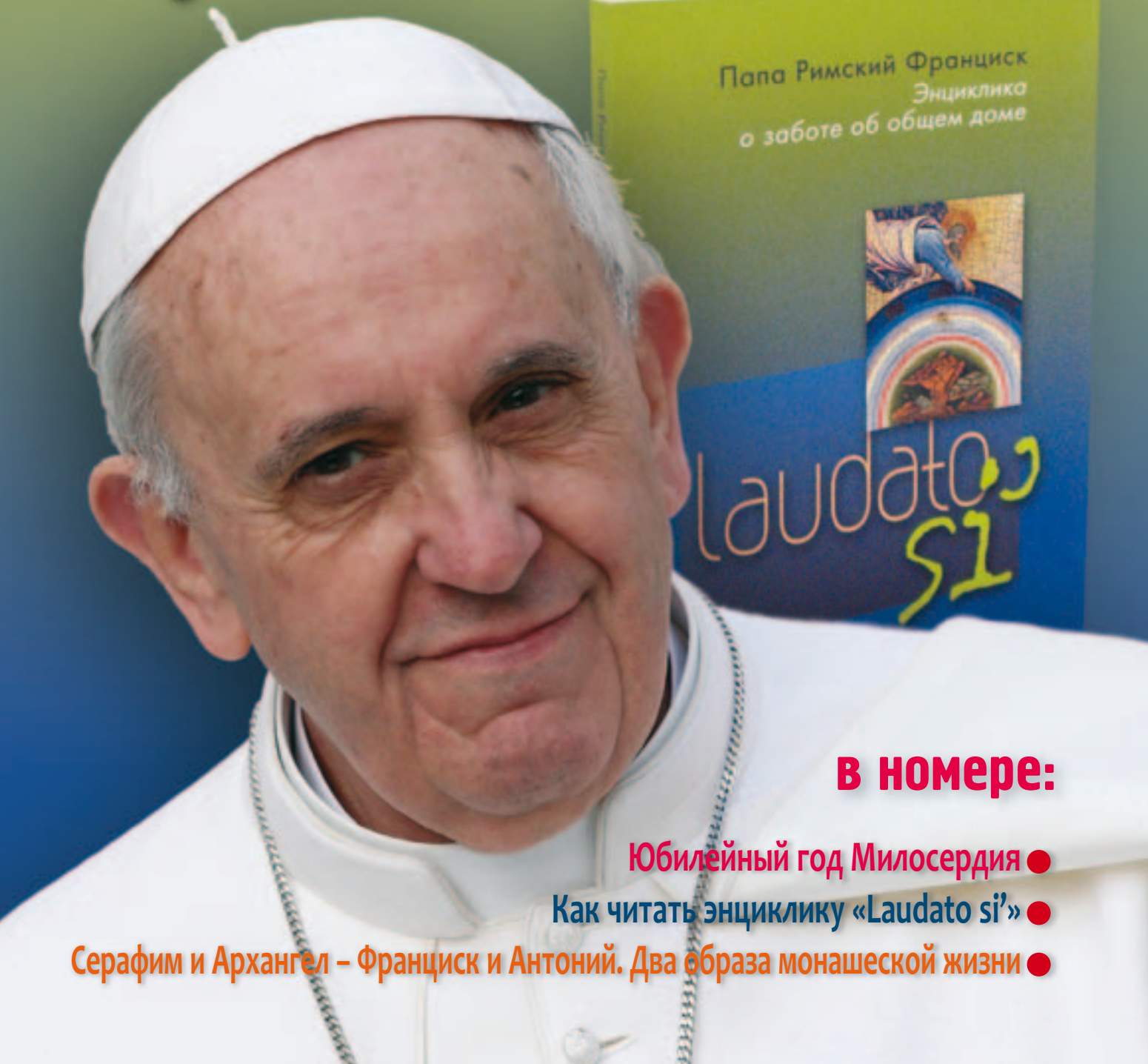

Брат Солнце

32 * 2015–2016

В номере:

Юбилейный год Милосердия ●

Как читать энциклику «Laudato si'» ●

Серафим и Архангел – Франциск и Антоний. Два образа монашеской жизни ●

5 декабря 2015 г. в Чимботе (Перу)
кардинал Анджело Амато,
префект Конгрегации по делам
святых, причислил к лику
блаженных польских
францисканцев Збигнева
Стшалковского OFMConv.,
Михала Томашека OFMConv.
и епархиального священника
Алессандро Дорди.

Во время проповеди кардинал сказал:
«Наши мученики говорили на языке любви.
Они были родом из далекого края и, когда
приехали в Перу, выучили местный язык,
но прежде всего говорили на языке любви.
Их апостольство и принятие мученичества
стали уроком любви. Любовь побеждает
ненависть и упраздняет месть.
Любовь – это подлинный путь света,
который приносит жизнь, а не смерть;
порождает мир, а не войну; создает
братство, а не разделения».

**Процесс беатификации священников
начался в 1996 году. 3 февраля 2015 года
Папа Римский Франциск утвердил декрет
об их мученичестве.**

Брат Солнце
32 ✨ 2015–2016

Брат Солнце – это образ из «Песни хвалы Богу в творениях» святого Франциска, называемой также «Гимном брату Солнцу». Весной 1225 года, после тяжелой ночи страданий в монастыре Св. Дамиана в Ассизи, в сердце больного, почти ослепшего Франциска родилась эта полная жизни и радости песня хвалы, ставшая известной и любимой во всем мире. «Ассизская компиляция» передает слова Франциска, сказанные после создания «Песни хвалы Богу в творениях»: «Мы все – как слепые, и Господь освещает наши очи посредством этих Своих творений. За эти и все другие творения, которыми мы пользуемся каждый день, мы должны особым образом хвалить Самого нашего преславного Творца» (Compilatio Assisiensis, 83).

Что и где в номере:

ЦЕРКОВЬ

Юбилейный год Милосердия **2**

ПУТЬ ВЕРЫ

Аарон Кубас OFM
Воплощенное Милосердие **6**

ЭКОЛОГИЯ

Как читать энциклику Папы Франциска «Laudato si'» **10**

Аттилио Галимберти OFS
Размышляя над энцикликой «Laudato si'» **16**

ИСТОКИ

Алессандро Ратти OFMConv.
Серафим и Архангел – Франциск и Антоний.
Два образа монашеской жизни **20**

СВЯТЫЕ И ПОДВИЖНИКИ

Александр Нежный
«Nimbus» (отрывок из романа о докторе Ф. Гаазе) **35**

Эдикт о процессе беатификации доктора Ф. Гааза **41**

Анджей Романовский OFMCar
Ценность семейной жизни на примере семьи святого Людовика Французского **42**

ГРАНИ КУЛЬТУРЫ

«Пир – это лучший образ счастья»
Интервью с литературоведом Светланой Панич **31**

Анна Гольдина
Певец потерянной страны **56**

ПОЭЗИЯ

Игорь Баранов
«Всё есть тогда, когда ничего для себя...»
К 100-летию со дня рождения о. Яна Твардовского **49**

Ян Твардовский
Стихи **50**

Рисунки, вдохновленные стихами Яна Твардовского. Художник Андрей Синюшин **55**

«Брат Солнце»

Централизованная Религиозная Организация Католический Орден Францисканцев в России
123100 Москва, Шмитовский проезд, 2, стр. 2
Тел./факс: (495) 605 44 93; e-mail: bratsolnce@francis.ru

Над номером работали:

о. Николай Дубинин OFMConv. (главный редактор),
Мария Таривердиева (выпускающий редактор),
Игорь Баранов, Иван Сердюков

Переводы:

Станислава Зюнова
В номере использованы материалы журнала «Голос святого Франциска» (на польском языке).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение авторов статей не всегда совпадает с мнением редакции.

©Централизованная Религиозная Организация Католический Орден Францисканцев в России

При перепечатке ссылка обязательна.
Издается с разрешения церковных властей.
Журнал зарегистрирован в Комитете по печати РФ.
Свидетельство ПИ № ФС77–29159 от 17.08.2007 г.

Юбилейный год Милосердия

13 марта 2015 года, в день второй годовщины своего понтификата, Папа Франциск объявил о внеочередном Юбилейном году Милосердия. Это важное заявление прозвучало во время покаянной литургии в ватиканской базилике Святого Петра на открытии молитвенной инициативы «24 часа для Господа» и было встречено горячими аплодисментами присутствующих.

Что такое Юбилейный год?

Юбилейный год (лат. Annus Iubilaeus), или Святой Год (Annus Sanctus) – в Католической Церкви год, когда верующие на определенных условиях могут получить индульгенцию. Юбилейный год объявляется Папой Римским.

Название Юбилейного года содержит аллюзию на ветхозаветный обычай празднования с периодичностью в 50 лет юбилея – года, в течение которого рабов отпускали на свободу, а земли возвращали их прежним владельцам (ср. Лев 25, 8–17).

В Католической Церкви обычай празднования Юбилейного года был учрежден в 1300 году Папой Бонифацием VIII. Первоначально в такие годы верующие, совершившие паломничество в Рим, после посещения ими великих папских базилик могли (при соблюдении ряда других условий) получить полную индульгенцию. С 1500 года всякий желающий получить индульгенцию может заменить паломничество в Рим паломничеством в кафедральный собор своей епархии или иное святое место в своих краях.

В XX веке при праздновании Юбилейного года забота отдельного верующего о собственном спасении отошла на второй план, уступив место общему празднованию всей Церкви, молитвенно созерцающей историю Вселенной и человечества. Так, важной темой юбилея в 2000 году, проходившего под девизом «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки тот же» (Евр 13, 8), стало так называемое очищение памяти: в ходе Юбилейного года Католическая Церковь на самом высоком уровне признала вину за то зло, которое совершалось в ходе истории ее членами и от ее лица, и устами самого Папы попросила прощения. ☺

(отрывок из статьи П.Д. Сахарова «Юбилейный год» в «Католической Энциклопедии»)

Булла «Misericordiae Vultus»

Папа Римский Франциск обнародовал буллу «*Misericordiae Vultus*», провозглашающую внеочередной Юбилейный год Милосердия, 11 апреля 2015 года, в канун второго воскресенья Пасхи – воскресенья Божественного милосердия.

Три ключевых момента буллы:

1. «Иисус Христос – лик Отчего милосердия. Представляется, что в этом слове заключена вся тайна христианской веры. Милосердие стало живым, видимым и достигло вершины в Иисусе из Назарета».
2. «Нам всегда нужно созерцать тайну милосердия. Она – источник радости, душевной ясности и мира. Она – условие нашего спасения. Милосердие – слово, открывающее тайну Пресвятой Троицы. Милосердие – последнее и высшее действие, с каким Бог выходит к нам навстречу. Милосердие – основной закон, живущий в сердце каждого

человека, когда он искренними глазами смотрит на брата, встречаемого на жизненном пути. Милосердие – это дорога, которая соединяет Бога и человека, потому что открывает сердца надежде на то, что мы любимы, невзирая на ограничивающий нас грех».

3. «Миссия Церкви – возвещать милость Божию, пульсирующее сердце Евангелия, которое через Церковь должно достичь каждого сердца и ума. Невеста Христова подражает делам Сына Божьего, а Он идет навстречу всем, не исключая никого. В наше время, когда Церковь занимается новой евангелизацией, надлежит еще раз, с новым рвением и обновленным пастырским усердием, выдвинуть на первый план тему милосердия. Жить милосердием и лично свидетельствовать о нем – вот что имеет решающее значение для Церкви, вот от чего зависит доверие к ее вести. Ее слова и дела должны излучать милосердие, чтобы войти в людские сердца и побудить к возвращению на путь, ведущий к Отцу». ☺

(Папа Римский Франциск «*Misericordiae Vultus*».
Издательство Францисканцев, 2015)

Что такое индульгенция?

Индульгенция (латинское *indulgentia* — снисхождение), в богословском значении — благодать Святого Духа, исцеляющая от последствий греха; в церковно-правовом значении — освобождение от временного наказания за грехи, в которых грешник уже покался и вина за которые ему была прощена в таинстве исповеди. Это освобождение христианин получает благодаря посредничеству Христа и молитвенному ходатайству святых.

Согласно учению Католической Церкви, последствия греха двойки. Во-первых, смертный грех лишает человека общения с Богом, тем самым закрывая доступ к вечной жизни — это так называемое *вечное наказание*. Отпущение вины и освобождение от вечного наказания грешник может получить в таинстве исповеди благодаря искуплению, совершенному Иисусом Христом. Во-вторых, любой грех, даже малый, ухудшает духовное состояние человека, усугубляя его предрасположенность ко злу, которая остается и после полученного на исповеди прощения за грех и от которой человек должен избавляться с помощью молит-

вы, аскезы, дел милосердия. Грех ослабляет в человеке способность любить, что непосредственно проявляется в реальном ухудшении его личных отношений с Богом и ближними и препятствует полноценному общению с ними как в этой жизни, так и после смерти (чистилище). Духовные испытания и тяготы, которые приходится нести грешнику в процессе этого внутреннего обращения, составляют *временное наказание* за грех. И вечное, и временное наказание следует понимать не как возмездие со стороны Бога, поражающее грешника извне, а как естественное последствие самого греха. Временное наказание за грех, однако, может быть уменьшено (частичная индульгенция) или вовсе снято (полная индульгенция) благодаря общению святых, то есть мистической солидарности членов Церкви — солидарности, предполагающей их общение в духовных благах. Добрые дела, совершенные Христом и святыми благодаря действующему в них Святому Духу, освящают всю Церковь; святые, приобщенные к спасительной посреднической миссии Христа, постоянно ходатайствуют перед Богом за всех христиан. Благодаря этому заслуги Христа и добрые дела святых в определенном смысле принадлежат и кающимся грешникам, которым сообщается благодать Святого Духа, исцеляющая их от последствий греха.

Согласно современной церковной дисциплине, индульгенцию можно получить для себя или пожертвовать ее за усопших. Индульгенцию нельзя жертвовать за живых и получать ее более одного раза в день. Для получения индульгенции необходимо соблюсти определенные условия духовного характера и выполнить практики благочестия, а также совершить дела милосердия.

Полная индульгенция дается при соблюдении следующих условий: полное отсутствие пристрастия ко греху и твердое намерение получить индульгенцию, совершение исповеди, причащение Святых Даров, совершение определенных действий, с которыми Церковь связывает получение индульгенции (молитва, служение милосердия, свидетельство веры), и молитва о Церкви в духовном единении с Папой (интенция Папы Римского). Частичную индульгенцию верующий получает при совершении действий, с которыми связана именно она, или же при попытке получить полную индульгенцию, если были выполнены не все условия, при которых она предоставляется.

Духовный плод индульгенции, в каждом конкретном случае известный только Богу, зависит от внутреннего расположения человека. ☉

(отрывок из статьи о Григория Цероха и А.С. Горелова «Индульгенция» в «Католической энциклопедии»)

ВОПЛОЩЕННОЕ МИЛОСЕРДИЕ

Слово Божие убеждает нас в том, что Бог, присутствующий в истории людей, открывается как Милосердие. В библейских текстах постоянно, словно припев, возникают слова «милость, милосердие». Это одно из наиболее употребляемых понятий, которые описывают Бога, Его поведение и действие.

Не предам тебя

«Для определения понятия милосердия (милости) авторы ветхозаветных книг используют, во-первых, термин «хесед», обозначающий внутрен-

нюю расположенность к добру. Используя его для характеристики отношений между двумя лицами, Ветхий Завет имеет в виду не только их взаимное благорасположение, но также и верность друг другу, основывающуюся на внутреннем обязательстве и, следовательно, также и на вернос-

ти каждого самому себе»¹. Бог, будучи милосердным, верен в Своей любви к человеку; Он выражает свою любовь в том, что приглашает человека к завету, к союзу, к тесным отношениям. Бог полюбил Израиль, Свой народ: «Когда Израиль был юн, Я любил его (Ос 11,1). Бог остается верен Своему народу и тогда, когда народ не отвечает любовью на Его любовь, верностью на Его верность. Пророк Осия говорит: «Народ Мой закоснел в отпадении от Меня, и хотя призывают его к горнему, он не возвышается единомушно. Как поступлю с тобою, Ефрем? Как предам тебя, Израиль? Поступлю ли с тобою, как с Адамою, сделаю ли тебе, что Севоиму? Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя! (Осия 11,7.8). Бог «являл Себя таким, каким был изначально, – то есть как любовь дарующая, любовь, которая преодолевает предательство, милующая благодать, побеждающая грех»².

Как мать любит грудное дитя свое...

«Второе слово, которое используется в Ветхом Завете для определения милосердия, – это «рахамим». Оно обладает своим, специфическим оттенком. Семантика слова «рахамим» отражает понятие материнской любви («рехем» – материнское лоно). Глубочайшая изначальная связь, можно сказать, единство матери и младенца, создает между ними особые отношения, порождает у матери совершенно особую любовь»³. Это понятие говорит о доброте и нежности, терпении и участливости. На смысл этого понятия указывает отрывок из Книги пророка Исаяи: «Может ли женщина забыть грудное дитя свое, может ли быть безжалостной к исчадию чрева своего? Но если бы она и забыла, то Я не забуду тебя» (Ис 49,15).

Слово, обращенное ко мне

Когда-то я научился читать Ветхий Завет таким образом, чтобы подставлять вместо имени «Израиль» свое имя. Через судьбу Израиля я увидел, как Бог меня призывал к любви и к общению с Собой. В истории неверности Израиля я увидел историю моей неверности. И более всего мне открылось то, что Бог любит меня и готов непрестанно прощать и что Он верен даже тогда, когда я оказываюсь неверен. Предлагаю вам попробовать такой способ чтения Библии. Надеюсь, что многие места станут

вам более понятными без использования библейских комментариев. Даже с хорошими комментариями Ветхий Завет свой полный смысл обретает в событиях, описываемых в Новом Завете, в Евангелиях, в самой личности Иисуса Христа. В Иисусе воплощается Божие милосердие.

Милосердие стало плотью

Главное событие, о котором говорит Новый Завет, – это рождение, жизнь, деятельность, смерть и воскресение Иисуса из Назарета. К Нему стремится весь Ветхий Завет. В Иисусе обретают полный смысл многие пророчества и аллегории, помещенные в книгах Библии за сотни лет до Христа. Во Христе все ветхозаветное учение о Божественном милосердии получило окончательное завершение.

Иисус родился в Вифлееме. Апостол Павел свидетельствует, что Иисус, «будучи образом Божиим, не держался за равенство Богом; но унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп 2, 6.7). Бог стал человеком. Причина рождения Иисуса – любовь. Святой апостол Иоанн пишет: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин 3, 16). Иисус «стал знаменем, что Бог есть Любовь. Христос стал знаменем Отца. В наше время, как и тогда, каждый человек также может через этот видимый знак созерцать Отца»⁴. «Итак, Христос открывает Бога, Который есть Отец и Который есть «любовь», как говорит святой Иоанн в своем Первом послании (1 Ин 4,16). Христос открывает Бога, «богатого милостью», как мы читаем у святого Павла (Еф 2, 4). И Христос не только говорит о Божественном милосердии и объясняет его с помощью образов и притчей, но, что самое важное, Он воплощает и олицетворяет это милосердие. Он Сам, в некотором смысле, – милосердие»⁵.

Церковь свидетельствует о воплощении Милосердия

Ветхозаветный Бог Яхве открыл Себя Моисею: «И прошел Господь пред лицом его и возгласил: Господь, Господь, Бог человеколюбивый («рахамим») и милосердый («хесед»), долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину и преступление и грех» (Исх 34, 6.7). Благодаря Церкви,

моей общине, и особенно – энциклике св. Иоанна Павла II «Бог, богатый милосердием» («*Dives in misericordia*») я лучше открыл то, что Бог сказал о Себе Моисею и потом превратил в реальное событие в Рождестве Иисуса Христа. Божие Слово о Милосердии приняло плоть. Апостолы слышали, видели своими глазами, рассматривали и осязали Слово – Иисуса (ср. 1 Ин 1, 1.2). Иисус – это воплощенное милосердие. В Иисусе оно открылось, и Вифлеем был только началом.

Слово о бездонном милосердии

Милосердие наибольшим образом открывается в Пасхальных событиях. В смерти Иисуса и Его жертве. Иисус сам сказал: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15, 13). Об этом говорит и апостол Павел: «Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим 5, 8). «Бог Отец... непреложно верен Своей вечной любви к человеку, ибо «так возлюбил Бог мир» – следовательно, человека в мире, – «что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3, 16). Верить в распятого Сына и значит «видеть Отца» (Ин 14, 9). Но это также и вера в то, что любовь присутствует в мире и что эта любовь сильнее всякого зла, в которое погружены человек, человечество и мир. Вера в такую любовь означает веру в милосердие... Крест есть последнее Откровение милосердия, иными словами, той любви, что противостоит в истории самому корню зла – греху и смерти»⁶. Иисус говорил святой Фаустине: «Из всех Моих Ран, как из источника, струится милосердие для душ, но Рана Моего Сердца является источником бездонного милосердия, из этого источника струятся всякие милости для душ. Меня жжет огонь сострадания, Я жажду излить его на души людей»⁷. В общине Церкви мы исповедуем во время литургической молитвы: «Из пронзенного бока источил кровь и воду, положив начало таинствам Церкви»⁸. Крещение, Евхаристия и исповедь – это места нашей встречи с милосердием, с «бездонным милосердием».

В таинстве исповеди – прикосновении милосердия – я неоднократно переживал опыт встречи с любовью, которая больше моего греха. Это опыт встречи с милосердием, которое освобождает и преображает. Иисус делает нас свободными, чтобы уподобить Себе, т. е. Милосердию, и

чтобы мы стали «милосердны, как и Отец милосерд» (Лук 6, 36) и как милосерд Его Сын Иисус. Евхаристия – это «таинство милосердия»⁹.

Вифлеемская ночь милосердия

В каждой мессе как бы повторяется воплощение Иисуса. Дух Святой, так, как некогда во чреве Марии зачал Иисуса, позволяет Ему быть реально присутствующим на алтаре, когда священник призывает Духа Святого над дарами хлеба и вина, и они становятся Телом и Кровью Иисуса Христа¹⁰. «Евхаристия – «источник и вершина всей христианской жизни», ибо Святая Евхаристия содержит в себе все духовное сокровище Церкви, то есть Самого Христа – нашу Пасху»¹¹. Месса делает присутствующей всю жизнь Христа: Голгофу, место воскресения, Вифлеем. Милосердие воплощается все снова и снова посреди собранной Церкви.

Я люблю оставаться в присутствии Пресвятых Даров, которые хранятся в дарохранительнице. В ночи веры, как в той ночи в Вифлееме, Бог остается со мной. Близкий, кроткий, в тишине, не замеченный многими. Это большая привилегия, что я могу быть с Ним, жить в тени Милосердия. Как просто тогда исполняются слова псалма: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» (Пс 90, 1.2).

Говори о Моем милосердии

Во время причастия я принимаю дар милосердия самого Иисуса. «В особенности в Евхаристии Иисус Христос действует во всей полноте для того, чтобы преобразить людей» (св. Иоанн Павел II). Он хочет преобразить людей в милосердие. Благодаря Евхаристии я становлюсь все больше тем, Кого принимаю. Когда я уже принял Иисуса Христа и слышу: «Идите в мире Христовом», – это значит, что я послан Им с благословением и миссией. Эти слова напоминают завершение Евангелия: «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк 16, 15). В таком духе Иисус обращается и к святой Фаустине: «Говори всему миру о Моем непостижимом милосердии»¹², «Говори всему миру о Моем милосердии»¹³ и «не останавливайся в провозглашении Моего милосердия»¹⁴. Если у меня есть опыт встречи с Иису-

сом Христом, Его милосердием, то я должен говорить о Боге и провозглашать Евангелие, истину о том, что Иисус – воплощение Отцовского милосердия. Слово хорошо подтвердить делами.

Прикоснись к милосердию и передай его

Желаю вам обрести близость милосердного Бога, Иисуса в таинствах. Прежде всего – в Евхаристии и, если надо, в исповеди. Приглашаю вас побыть в близости тайны Вифлеема, которая продолжается в присутствии Иисуса в Пресвятах Дарах. И еще прошу вас решиться жить так, чтобы Рождество настало вокруг вас. Как это сделать? Вот какой способ предлагает блаженная мать Тереза Калькуттская:

«Всякий раз, когда улыбаешься своему брату и протягиваешь ему руку, наступает Рождество. Всякий раз, когда замолкаешь, чтобы выслушать других, когда отказываешься от правил, которые, как железный обруч, стискивают людей в их одиночестве, когда даришь огонёк надежды отчаявшимся, когда познаёшь в смирении, насколько ничтожны твои возможности и насколько велика твоя слабость, всякий раз, когда позволишь, чтобы Бог полюбил других через тебя, — всякий раз наступают Рождество»¹⁵. ☺

¹ «Бог, богатый милосердием (*Dives in misericordia*). Энциклика о Божьей любви к человеку», Иоанн Павел II, 4 (<http://www.claret.ru/misericordia.html>).

² Там же, 4.

³ Там же, 4.

⁴ Там же, 3.

⁵ Там же, 2.

⁶ Там же, 7.

⁷ «Милосердие Божие в моей душе», Дневник св. Фаустины Ковальской, п. 1190.

⁸ Префация о Пресвятом Сердце Иисуса.

⁹ Катехизис Католической Церкви, п. 1323.

¹⁰ Там же, п. 1353.

¹¹ Там же, п. 1324.

¹² Дневник св. Фаустины Ковальской, п. 699.

¹³ Там же, п. 1190.

¹⁴ Там же, п. 1521

¹⁵ «*Medytacje i modlitwy Matki Teresy*», в: Kathryn Spink, *Myśli Matki Teresy z Kalkuty o Bożym Narodzeniu*

Как читать энциклику Папы Франциска «Laudato si'»

Энциклика Папы Франциска о заботе об общем доме написана в легком для восприятия стиле. Она совсем не похожа на академический труд, как многие энциклики в прошлом. Если вы читаете газеты, то без труда сможете прочитать и эту энциклику и вынести много полезного для себя.

Да, в ней 190 страниц и около 40 000 слов, но шесть глав прочитываются быстро и без особых усилий.

Энциклика прекрасно подходит для индивидуального чтения, но особенно она хороша для чтения и обсуждения в группе. Она как будто и предназначена для коллективного изучения, потому что содержит в себе призыв к диалогу.

Совсемнеобязательно ждать, пока епископы и священники организуют такое обсуждение. Каждый может

взять текст, собрать своих друзей и предложить: «Давайте прочитаем и обсудим эту энциклику».

Влияние этого документа простирается далеко за пределы Католической Церкви. Его одобрили защитники окружающей среды и ученые, лидеры разных христианских конфессий и других религий готовы обсуждать его проблематику. Таким образом, энциклика станет предметом экуменического и межрелигиозного диалога.

Мы предлагаем вашему вниманию вопросы, которые помогут в чтении и изучении энциклики. Поскольку

текст очень насыщенный, советуем брать для обсуждения по одной главе для каждой встречи. Вопросов много, но это не значит, что вы должны ответить на все. Выберите те, которые будут наиболее близки и полезны вам. В скобках указаны пункты документа.

В Издательстве Францисканцев вышел русский перевод энциклики Папы Франциска «LAUDATO SI'», посвященной заботе о мире, в котором мы живем.

Презентация энциклики состоялась 6 октября 2015 года в культурном центре «Покровские ворота» в Москве.

Введение

Папа начинает энциклику со слов о том, что Земля, наш общий дом, – «для нас и сестра, с которой мы разделяем существование, и чудесная мать, заключающая нас в свои объятия». Он напоминает нам стих из известного гимна святого Франциска «Песнь хвалы Богу в творениях»: «Прославлен будь, мой Господи, за сестру нашу мать Землю, что нас поддерживает и правит и разные произращает плоды, и цветов многоцветье, и травы». Однако сегодня Сестра Земля «протестует против зла, причиняемого нами из-за безответственного злоупотребления благами, которые заложены в нее Богом». Папа пишет, что мы зачастую считаем себя «собственниками и владельцами, имеющими право на разграбление» и забываем, что мы сами – земля, ведь наше тело состоит из элементов планеты, мы дышим ее воздухом, а ее вода поддерживает в нас жизнь.

Далее Папа цитирует своих предшественников и других религиозных лидеров, которые высказывались о защите окружающей среды.

Особо отмечена роль святого Франциска Ассизского: «Уверен, что Франциск – самый выдающийся пример заботы о слабом и образец интегральной экологии, переживаемой радостно и искренне, – пишет Папа. – Он – святой покровитель всех тех, кто ведет исследования и работает в сфере экологии, его любят и многие нехристиане. Он проявлял особое внимание к творению Божию и к самым бедным и отверженным. Он любил и был любим за свою радостную, щедрую самоотдачу, за вселенское сердце. Он был мистиком и странником, жившим просто, в чудесной гармонии с Богом, с другими, с природой и с самим собой. В нем можно увидеть, до какой степени неразделимы забота о природе, справедливость к бедным, служение в обществе и внутренний покой».

Папа завершает вступление призывом: «Я обращаю неотложный призыв возобновить диалог о мире, в котором мы строим будущее планеты. Нам необходимо объединяющее всех нас обсуждение, поскольку мы живем в условиях экологической угрозы, а ее человеческие корни касаются и затрагивают всех нас».

Вопросы:

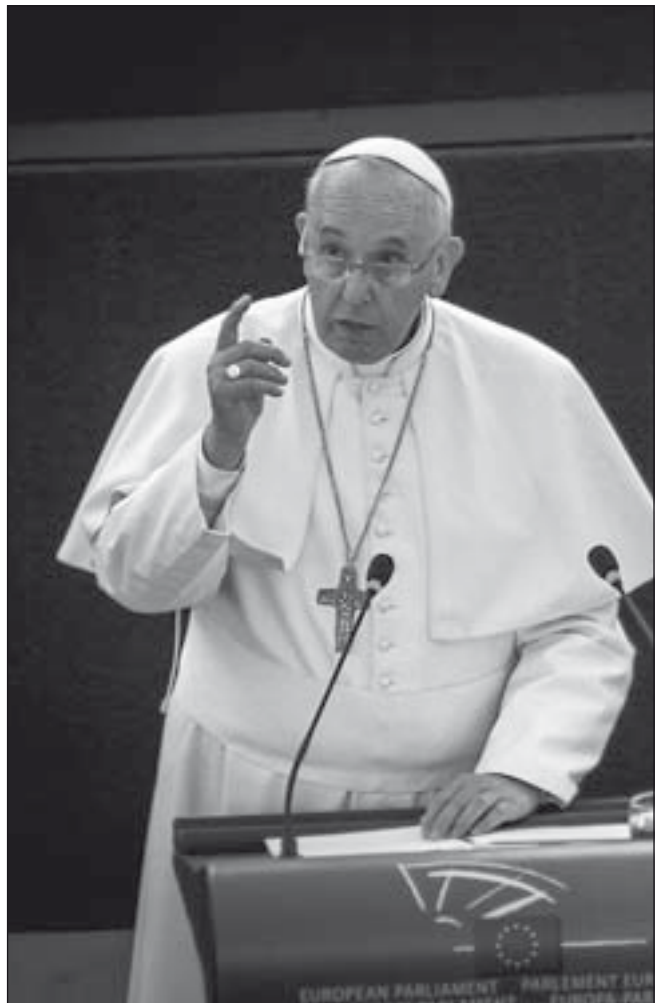
1. Доводилось ли вам видеть вред, который человек причиняет Сестре Земле? (2)
2. Как вы думаете, почему лишь немногие знают, что Папы Павел VI, Иоанн Павел II и Бенедикт XVI говорили об экологии?
3. Святой Франциск Ассизский провозглашен покровителем экологов. Как нам может помочь его пример и свидетельство? (10–12)
4. Каким будет ваш отклик на призыв Папы(13–16)?

Глава 1. Что происходит с нашим домом

11

В первой главе описана экологическая ситуация в современном мире, говорится о загрязнении окружающей среды. Папа говорит о том, что эта ситуация тесно связана с «культурой отбросов», затрагивающей как отверженных людей, так и вещи, которые быстро становятся отходами.

Еще одна важная тема – климат, общее благо всех и для всех. Климатические изменения – это проблема, имеющая важные экологические, социальные, экономические, распределительные и политические измерения. Она представляет собой один из главных вызовов для человечества. Особенно остро эти изменения скажутся на развивающихся странах. В местах, пораженных потеплением климата, проживает много бедных. Их средства к существованию в большой степени зависят от сельского хозяйства, рыболовства и лесных ресурсов, испытывающих на себе разрушающие последствия климатических изменений.

Постоянно ухудшается качество питьевой воды и уменьшается ее доступность. Между тем, доступ к питьевой воде – сущностное, фундаментальное и универсальное право человека, поскольку оно определяет выживание людей и поэтому является условием для реализации прочих прав. Огромный социальный долг мира – перед бедными, лишенными доступа к питьевой воде, поскольку в результате этого отрицается их право на жизнь, присущее их неотчуждаемому достоинству.

Ресурсы земли разоряются в том числе из-за образа видения экономики, а также коммерческой и производственной деятельности, которые чрезмерно связаны с сиюминутным результатом. Происходит утрата лесов, влекущая за собой утрату биологических видов. Такой подход оказывает разрушительное воздействие и на жизнь человека, тоже творения из этого мира, вызывая ухудшение качества жизни.

Папа подчеркивает тот факт, что от варварского, хищнического использования природных ресурсов страдает прежде всего бедная и отверженная часть населения планеты, составляющая его большинство: «... Сегодня мы не можем не признавать, что подлинно экологический подход все больше становится подходом социальным, что он должен дополнять дискуссии об окружающей среде справедливостью, чтобы слышать как стенание земли, так и стенание бедных».

Вопросы:

1. Как загрязнение окружающей среды затрагивает лично вас и вашу семью?

2. Что Папа имеет в виду, говоря о «культуре отбросов» (22)? Вы согласны с ним? Почему?

3. Почему климат назван в энциклике «общим благом» (23)?

4. Что является доказательством изменения климата и того, что оно вызвано деятельностью человека?(23) Какие могут быть последствия этого?

5. Папа говорит о том, что доступность питьевой воды – это фундаментальное право человека (27–31). Почему? Что можно сделать для решения этой проблемы?

6. Почему необходимо биологическое разнообразие (32–42)?

7. Как влияет на жизнь человека ухудшение окружающей среды, современные модели развития и «культура отбросов» (43–47)?

8. Почему Папа считает, что «нам не удастся надлежащим образом справиться с разрушением окружающей среды, не обратив внимания на причины, связанные с человеческим и социальным упадком» (48)?

9. Почему сокращение рождаемости не может стать адекватным ответом на проблему нищеты?

10. Что Папа имеет в виду, говоря об «экологическом долге» между Севером и Югом (51)?

Глава 2. Евангелие творения

Хотя энциклика открыта для диалога со всеми ради «совместного поиска путей освобождения», Папа считает, что «убеждения веры предлагают христианам – и отчасти верующим других религий – высокую мотивацию для заботы о природе и о самых уязвимых братьях и сестрах». Он напоминает нам о великих библейских повествованиях о сотворении мира и человека. Человеческое бытие основывается на трех фундаментальных связях: связи с Богом, с ближним и с землей. Эти связи разорваны в результате первородного греха извне и внутри нас. Изначально гармоничная связь человека с природой трансформировалась в конфликт.

Размышляя о тайне вселенной, Папа пишет: «Окончание пути вселенной – в полноте Бога, достигнутой воскресшим Христом, основой всеобщей зрелости. Тем самым мы получаем еще одну причину для отказа от деспотического и безответственного господства человека над другими творениями. Окончательная цель других созданий – не мы. Напротив, все, вместе с нами и через нас, стремятся к общей цели: к Богу, в Его трансцендентной полноте, где воскресший Христос все объемлет и просвещает. Человек наделен разумом и любовью, его влечет полнота Христова, поэтому он призван привести все творения обратно к их Творцу». Все живые существа вселенной «соединены невидимыми узлами» и образуют «универсальную семью, превосходную общность, пробуждающую в нас священное, любящее и смиренное уважение». И потому не может быть искренней за-

боты об окружающей среде без искренней любви к людям, равно как и неустанного старания решать проблемы общества.

Вопросы:

1. Библия говорит о том, что гармония между Творцом, человечеством и всем творением разрушена из-за того, что человек претендовал занять место Бога, отказываясь признавать себя ограниченным творением (66). Что значит – претендовать занять место Бога?

2. Как Папа Франциск трактует стих 28 из 1-й главы Книги Бытия, содержащий призыв к человеку обладать землей (67)?

3. Как Папа использует Библию для подтверждения мысли о том, что «дар земли с ее плодами принадлежит всему народу» (71)?

4. Размышляя над тайной вселенной, Папа говорит, что «творение принадлежит порядку любви» (77). Что он хочет этим сказать?

5. Святой Дух «захотел ограничить Себя Самого, создав мир, нуждающийся в развитии, где многое из того, что мы считаем злом, опасностью или источником страданий, на самом деле принадлежит к родовым болям, побуждающим нас сотрудничать с Творцом» (88). Как вы понимаете этот отрывок?

6. «Наряду с собственно сказанным Откровением, содержащимся в Священном Писании, Божествен-

ное проявляется и в сиянии солнца, и под покровом ночи» (85). Как вы переживаете присутствие Бога в творении?

7. Какие мысли и чувства вызывает у вас гимн святого Франциска Ассизского (87)?

8. Как Иисус относился к творению (96–100)?

Глава 3. Человеческие корни экологического кризиса

Наука и технологии – это «чудесный продукт человеческой изобретательности», которая есть «дар Божий». Однако нельзя игнорировать тот факт, что «они дают тем, кто обладает знанием – и особенно экономическим потенциалом, чтобы всем этим пользоваться, – впечатляющее господство над человеческим родом и всем миром». Папа говорит о существующей технократической парадигме, предполагающей разработку техники обладания, господства и трансформации. Если долгое время вмешательство человека в природу заключалось в следовании возможностям, предлагаемым природной реальностью, то современный человек «выжимает планету до предела, даже запредельно». Идея о бесконечном и неограниченном росте, наполняющая энтузиазмом экономистов и теоретиков финансов и технологий, «предполагает ложь о бесконечной доступности благ нашей планеты».

Вопросы:

1. Что Папа Франциск подразумевает, говоря о «технократической парадигме» (101, 106–114)?

2. Почему Папа считает, что продукты техники не нейтральны (107, 109, 114)?

3. Почему рынок сам по себе не гарантирует интегрального развития человека и социальной интеграции (109)? Вы согласны с этим?

4. Папа говорит о необходимости продолжать «мужественную культурную революцию». В чем она должна заключаться (114)?

5. В чем состоит заблуждение «современного антропоцентризма» (115)?

6. Что такое «культура релятивизма», о которой говорит Папа?

7. Каковы положительные и отрицательные аспекты биологических инноваций (130–136)?

Глава 4. Интегральная экология

Говоря об окружающей среде, мы указываем на особую связь между природой и обитающим в ней обществе. Природу нельзя считать чем-то отдельным от нас: мы включены в нее, мы пронизываем друг друга. И потому важно искать интегральные решения, учитывающие взаимодействия природных систем между собой и с социальными системами. «Не существует двух отдельных кризисов – экологического и социального, есть один-единственный сложный социо-экологический кризис».

Вопросы:

1. Что значит придерживаться «интегрального подхода для борьбы с бедностью, для восстановления достоинства отверженных и, одновременно, для заботы о природе» (139)?

2. Почему Папа считает, что для нас важно изучать и понимать различные экосистемы (140)?

3. Почему мы испытываем настоящую потребность «в гуманизме, обращающемся к разным наукам, в том числе экономической, чтобы видение было более целостным и интегрирующим» (141)?

4. Каким образом окружающее пространство, в котором мы живем, влияет на качество нашей жизни (147)?

5. Как согласуется то, что земля – «безвозмездный дар» и что мы должны думать о том, в каком состоянии оставляем планету будущим поколениям (159)?

6. С какой целью мы находимся в этом мире? Ради чего мы пришли в эту жизнь? Ради чего мы работаем и боремся? Почему эта земля нуждается в нас (160)?

7. Что Папа имеет в виду, когда говорит, что этический и культурный упадок сопутствует экологическому кризису (162)?

Глава 5. Некоторые ориентиры и линии действия

Что должно быть сделано? Папа Франциск призывает к диалогу на тему окружающей среды международные, национальные и местные сообщества. Этот диалог должен включать в себя прозрачный процесс принятия решений; политика должна служить реализации человеческого потенциала, а не только экономическим интересам. Необходим также диалог между религией и наукой, направленный на достижение общего блага.

Вопросы:

1. В этой главе многократно повторяется слово «диалог». Что означает диалог и почему Папа считает, что он так важен?

2. Папа говорит о необходимости глобального консенсуса для решения основных проблем (164). Почему он необходим и как его достичь?

3. Почему Папа считает, что о постиндустриальном периоде, возможно, будут вспоминать как об одном из самых безответственных в истории?

4. Какие международные стратегии, с точки зрения Папы Франциска, ничего не могут противопоставить кризису окружающей среды, а какие он поддерживает (170–172)?

5. «Церковь не претендует ни на определения по научным вопросам, ни на то, чтобы заменить собой политику, но она призывает к честной и прозрачной дискуссии, чтобы частные потребности или идеологии не наносили ущерба общему благу». (188) Какова истинная роль Церкви в области политики, экономики и экологии?

6. Что Папа имеет в виду, когда говорит о необходимости «преобразования модели глобального развития» (194)? Что не так с современными моделями? Как должны выглядеть новые модели?

7. Каковы отдельные роли религии и науки, и как они могут взаимодействовать (199–201)?

Чтобы разрешить сложную экологическую ситуацию, перед которой стоит мир, необходимо в первую очередь измениться самому человечеству. Нам недостает осознания нашего общего происхождения, взаимопринадлежности и общего будущего для всех. Это осознание позволит развить новые убеждения, новые отношения и новые стили жизни.

Христианская духовность предлагает альтернативную модель понимания качества жизни и поощряет пророческий и созерцательный стиль жизни, со способностью глубоко радоваться без одержимости потреблением; предлагает возрастание в умеренности и способности наслаждаться малым.

Заботу о творении можно осуществлять через «маленькие повседневные дела», и хорошо, если воспитание будет мотивировать к этому, формируя стиль жизни.

Вопросы:

1. В этой энциклике Папа Франциск соединяет заботу о бедных с защитой окружающей среды. Почему он так делает?

2. Почему Папа критикует потребительский стиль жизни (204)? Что может служить альтернативой потребительству?

3. С помощью каких «малых дел» вы могли бы заботиться о творении? Обсудите те варианты, которые предложены в энциклике (211)?

4. В чем заключается «экологическая духовность», о которой говорит Папа, и как она может подпитывать «страсть к заботе о мире» (216)?

5. Что необходимо для «экологического обращения» и формирования щедрой и полной нежности заботы об окружающем мире (218–221)?

6. Как вы понимаете принцип «чем меньше, тем больше» (222–227)?

7. «Вселенная развивается в Боге, Который наполняет ее всю. Значит, есть тайна для созерцания в листике, в тропинке, в росе, в лице бедняка», – пишет Папа. Как вы ощущаете это в опыте своей жизни?

8. Как эта энциклика повлияет на вашу жизнь? ☺

(По: Fr. Thomas Reese «A Reader's Guide to Laudato si'»,
National Catholic Reporter)

Аттилио Галимберти OFS

Размышляя над энцикликой «Laudato si'»^{*}

Существует два противоположных мнения об отношениях человека и творения.

Первое: человек – не господин всей Вселенной.

Второе мнение: человек имеет все права на природу.

Есть люди, которые считают, что в центре всего мироздания стоит человек, и обычно они критикуют христианский подход. Они обвиняют христиан, используя аргументы из Библии, указывая, что когда Бог сотворил человека, Он дал ему повеление «иди и владей миром», т.е. властвуй над миром. Но это половинчатая точка зрения, и потому ошибочная – не учитывается второе повеление, которое Бог дал человеку: «Иди и охраняй природу, заботься о ней». Это задача, которую дает Бог человеку в Раю. Вот как, например, прочитывают это повеление бенедиктинцы: они культивируют, т.е. обрабатывают тот участок земли, которым владеют. Францисканцы просто отводят природе принадлежащее ей место. В житиях Франциска гово-

рится, что он учил братьев оставлять в монастырских огородах нетронутую часть, чтобы растения были естественным выражением природы.

Особенно идею экологии, заботы о природе в последнее время развивало движение «зеленых». Экологическая ситуация в современном мире вызывает опасения и страх. Вот какой пример «зеленые» приводят, чтобы объяснить ситуацию: они сравнивают нашу планету с ракетой, которая летит в космосе и у которой скоро закончится топливо. Поэтому они призывают к сокращению потребления ресурсов, чтобы прийти к равновесию в природе. При нынешнем потреблении мы используем больше, чем земля может восполнить. Особенно это касается выработки углекислого газа, которого сейчас вырабатывается гораздо больше, из-за чего возникает парниковый эффект. Всем известно, что деревья поглощают угле-

^{*} *Выступление на Всероссийской встрече Францисканского ордена мирян, октябрь 2015*

кислый газ и вырабатывают кислород. Все деревья, которые существуют ныне в мире, не в состоянии переработать этот углекислый газ, чтобы восполнить кислород. Поэтому важно обращать на это внимание. Мы, как христиане, должны устремлять взгляд в будущее, стараться быть в мире и гармонии со всем сотворенным миром.

Помните, что творение – это акт любви Бога. И в этом акте любви есть также сотворение человека. В Библии, как рефрен, повторяется, что Бог, смотря на все, что Он сотворил, говорил, что это хорошо. Но если мы посмотрим на мифы о сотворении мира в других культурах или религиях, обычно акт творения связан с борьбой: борьбой между богами или между человеком и богом. И только Библия говорит о том, что сотворение мира – это акт благодати Бога, и помимо этого сказано, что человек был сотворен по образу и подобию Божьему. Поэтому человек как образ и подобие Божие помещен среди всего творения, чтобы продолжать это дело Бога, этот процесс охраны и сохранения. Охрана окружающего мира не означает, что «я – властитель этого мира». Охранять – это значит просто заботиться о том, что мне поручено на какое-то время и что я потом должен передать тем, кто придет после меня.

Приведу пример: индейцы в Латинской Америке, прежде чем отправиться на охоту, сначала молились, испрашивали прощение у природы за тех животных, которых они убьют. И обещали, что они убьют ровно столько, сколько им необходимо, чтобы прокормить детей и семьи. То есть, в человеке естественным образом проявляется внимание к природе. Мы так же должны относиться к окружающему миру. Деньги, желание обогащения, улучшения своих условий – все это привело нас к тому, что мы забыли эти важные вещи.

Вместо того чтобы охранять природу, мы, к сожалению, постепенно превращаем ее в свалку отходов. Это и есть последствие греха, который существует в мире. Равновесие, которое существовало в мире, уже нарушено. Смерть и Воскресение Иисуса Христа явились событием, которое пытается восстановить эти отношения в мире. И это послужило для нас призывом исправлять то, что уже совершено. Первые слова, которые мы слышим из уст Христа после воскресения: «Мир вам». Мир, который провозглашает Христос – это не отсутствие войны. Это взаимоотношения между людьми и между человеком и окружающей средой.

Святой Франциск говорит, что все творения – это наши братья и сестры. Он видел посредством творения Самого Творца. То есть, глядя на деревья, воду и все остальное, он видел в этом Творца, Который все

создал. И именно поэтому он Его уважает и любит. Например, св. Клара пишет в своем послании к сестрам: «Если вы видите красивые деревья, растущие на улице, благодарите за это Господа, потому что Он создал их для вас».

Если говорить о нашем времени, то еще Папа Иоанн Павел II напоминал о справедливости по отношению к окружающему миру, о том, что посредством Воскресения Иисуса Христа мы должны начать относиться к окружающему миру не потребительски, а с заботой. Мое отношение к окружающему миру должно проистекать из моего отношения к Господу. Если я – Его творение, то точно так же нужно относиться к окружающему миру, поскольку он – тоже творение.

К сожалению, мы утратили такое отношение, творение обесценилось для нас. И стали относиться к окружающему миру так, как если бы он имел бесконечные возможности. Когда мир стал легко достижим: сократились дистанции, по крайней мере – во времени и в нашем сознании, поскольку сегодня легко добраться во многие страны, – человек вдруг стал замечать, что мир ограничен. Это осознание идет по нарастающей. Многие замечают, что происходят какие-то изменения в климате и окружающей среде. Например, в Москве в 2010 году было очень жаркое лето с такими лесными пожарами и задымлением, каких не было раньше. Люди уже замечают, что есть вещи, которые ощутимо меняются, и нужно как-то на это реагировать. И оказывается: те, кто предупреждал, что в какой-то момент наступят необратимые последствия, были правы.

Поэтому Папа Франциск начинает свою энциклику, подытоживая все то, что говорили его предшественники: постоянно цитирует Бенедикта XVI, Иоанна Павла II, Павла VI.

Папа Франциск пишет, используя слова св. Франциска, что «наш дом, земля – это наша сестра, с которой мы разделяем наше существование, и мать, которая принимает нас в свои объятия». И она, в конце концов, начинает протестовать против того зла, которое мы ей причиняем. Папа приглашает нас начать диалог о нашем общем доме. Он не ограничивается обращением к католикам, а расширяет горизонты, приглашая заняться обсуждением этой проблемы ученых, философов, богословов, которые говорят об этих вещах.

Далее Папа показывает нам, что нарушение баланса в природе ранит прежде всего самых слабых и бедных. Поэтому главная задача – восстановить справедливость, прежде всего по отношению к бедным. Для этого надо взглянуть на природу глазами святого Франциска. Мы пришли к такой точке,

когда решения должны приниматься очень быстро. Говорят, что около 2050 года наступит такой момент, когда средняя температура на земном шаре начнет расти. Это приведет к повышению уровня моря: вероятно, часть Бангладеш и многие острова в океане исчезнут, часть Флориды будет затоплена водой. Большие проблемы, скорее всего, возникнут и на территории Сибири. В тех местах, где многие конструкции построены на сваях, они не выдержат собственного веса и начнут падать. Так что будущее не очень приглядно, и сильные мира сего начинают это потихоньку осознать. Даже те, кто раньше был не согласен с такой точкой зрения, сейчас начинают думать иначе.

Папа говорит о загрязнении окружающего мира, о «культуре отбросов»: вещи очень быстро становятся ненужными, их выбрасывают, как только выйдет новая модель; о неуважении к питьевой воде, которой сейчас очень мало... Представьте себе пятилитровую бутылку с питьевой водой и поместите рядом с этой бутылкой чайную ложечку с водой. Таково соотношение соленой и питьевой воды в мире. Питьевая вода необходима и для человека, и для животных. Поэтому все более важно не пренебрегать этим.

В главе, касающейся Священного Писания, Папа подчеркивает, что блага, которые есть на земле, принадлежат всем, а не только некоторым. Нигде не написано, что земля чья-то. После Второй мировой войны были подписаны документы международного права, где говорилось, что все имеют право перемещаться туда, куда хотят, ища лучших жизненных условий для себя и своей семьи. Соблюдается ли это? Что мы видим на самом деле?

И тоже очень важно, что Папа говорит о справедливости по отношению к поколениям. Зачастую молодые люди не имеют возможности найти работу, устроить свое будущее, обеспечить семью. Существует проблема несправедливого использования земли, особенно в мультинациональных обществах. Земля, которая вроде бы принадлежит всем, используется отдельной группой людей для производства различных культур и обогащения. В семье, например, если мы что-то решаем, то обсуждаем это с другими членами, а не приказываем им что-либо делать в одностороннем порядке. А вот если на территорию пигмеев приезжают европейцы, которые, если живут в этой стране достаточно долго, покупают в собственность участок плодородной земли, используют землю по максимуму, а заработок кладут себе в карман.

Обычно никто не считается с теми, кто здесь жил столетиями.

В последних двух главах энциклики Папа пробует найти какие-то способы решения этих проблем и настаивает на ведении диалога на всех уровнях. Он призывает к диалогу между политикой и экономикой, потому что смысл экономики не просто в том, чтобы зарабатывать деньги, но чтобы заботиться об общем благе. Экономика не должна быть самоцелью. Она должна быть средством для того, чтобы мы могли жить благополучно. И следующий диалог тоже не менее важный – между наукой и религией. Потому что очень часто их противопоставляют. До сих пор распространено мнение, что наука с ее теорией Дарвина противостоит религии с ее Библией.

Папа призывает искать другой стиль жизни, учиться жить в гармонии с окружающим миром. Обратиться к экологическому образу жизни – это не значит начать выращивать растения, а просто

вернуться к осознанию, что мы призваны охранять окружающий мир. В энциклике также звучит призыв давать земле возможность справедливого отдыха и возобновления – то, к чему призывает Библия. Вот известный пример из Библии: в седьмой год земля отдыхала, т.е. ее не вспахивали и ничего с ней не делали, а питались только тем, что она сама давала в этот год. Потому что земля имеет свой ритм, и когда существовала эта ротация, часть земли находилась под паром, отдыхала, а обрабатывали вторую часть. А в пятидесятый год освобождали всех рабов, и все земли снова были общими. Сейчас, к сожалению, индустрия использует все ресурсы по максимуму.

Поиск тринитарного образа жизни – это поиск образа жизни, исполненного любви к Богу и к творениям. И я хочу завершить свои размышления молитвой:

Славлю Тебя, Отче, вместе со всеми Твоими созданиями, происшедшими по воле Твоей Божественной руки. Они Твои и полнятся Твоим присутствием и Твоею нежностью. Прославлен будь, Сыне Божий Иисусе! Все было сотворено через Тебя. Ты принял облик в материнском лоне Марии. Ты сделался частью этой земли и смотрел на этот мир человеческими очами. Ныне живешь Ты в каждом творении Твоею славою Воскресшего. Прославлен будь, Дух Святой, Своим светом направляющий этот мир к любви Отца и сопутствующий стенаниям творений. Ты живешь и в наших сердцах, чтобы побуждать нас к добру. Прославлен будь, Господи Боже Троицей, Предивное общение любви бесконечной! Учи нас созерцать Тебя в красоте мира, где все говорит нам о Тебе, пробуждая в нас хвалу и благодарность за всякое существо, сотворенное Тобой. Дай нам благодать чувствовать наше глубокое единство со всем, что существует. Любящий Боже, покажи нам наше место в этом мире, чтобы мы стали орудием Твоей любви ко всем существам этой земли. Ибо ни одно из них не забыто Тобой. Просвещай обладателей власти и денег, чтобы они не впадали в грех безразличия, возлюбили общее благо, помогли слабым и заботились об этом мире, в котором мы живем. Бедные и земля вопиют: Господи! Объемли нас Твоею силою и Твоим светом, чтобы защищать всякую жизнь, чтобы подготавливать лучшее будущее, дабы пришло Твое Царство Справедливости, Мира, Любви и Красоты. Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь. ☺

Алессандро Ратти OFMConv.

Серафим и Архангел – Франциск и Антоний

Два образа монашеской жизни

Чтобы в правильной перспективе рассмотреть принципы ангелологии, на которые мы будем ссылаться в этой статье о религиозной францисканской жизни, необходимо понять исторический и культурный контекст эпохи. В XIII веке зародилось и расцвело движение Меньших братьев, а также возникла его богословская интерпретация. В это время развивалась аллегорическая литература, повествовавшая о любых реальных событиях в свете библейского текста – который также интерпретировался аллегорически.

Средневековый францисканец, пользуясь аналогиями, связывал каждый опыт, каждую видимую реальность с трансцендентным смыслом или объяснением. Любая реальность для него являлась символической или, вернее, сакраментальной – то есть содержащей в себе духовную реальность и (или) отсылающей к духовной реальности. Реальные факты объясняются через невидимые явления – во времени и в истории.

Чтобы объяснить устройство мироздания и человечества, средневековый человек пользуется духов-

ными чувствами, то есть интерпретациями, которые связывают видимое с невидимым. Благодаря этому невидимое становится реальной, действующей в мире силой. Ангелы в такой интерпретации – это невидимые сущности, которые для нас реальны благодаря вере. Они постоянно присутствуют и действуют на сцене этого мира. Они являются сверхъестественным примером для тех, кто на земле «посвящен» Богу. Бытие ангелов всегда воспринималось как образец для монашеской жизни. В XIII веке этот образец приходилось заново переосмысливать, чтобы приспособиться к новой модели монашеской жизни, а именно францисканской. Она частично отличалась от предыдущих форм. Францисканцы первых поколений должны были оправдать свой стиль жизни – одновременно созерцательный и деятельный. Братья-францисканцы занимались пастырской деятельностью – это воспринималось как нечто новое и непредвиденное в строгой систематизации Средневековья.

Ангелы и монашеская ЖИЗНЬ

Тема ангелов может показаться нам абстрактной или отдаленной, но для XII века, когда возникли доминиканский, францисканский, кармелитский и другие монашеские ордена, реальность ангелов и важность их присутствия в жизни Церкви нельзя переоценить.

Дэвид Кек в «Ангелологии Бонавентуры»^{*} упоминает, что в древней монашеской традиции образцом для монаха являлся ангел: духовные существа всегда предстоят перед Богом, они отрываются от земли, чтобы воспарить на мистические вершины. Ангелы размещены по иерархии: самые высшие просвещают и направляют низших. Это происходит неизменным и упорядоченным способом, как и должно происходить в монашеском ордене.

Схема ангельской иерархии изображена немного по-разному у святого Григория Великого и у Псевдо-Дионисия Ареопагита, но всегда подчеркивается, что ангельская иерархия должна служить примером для церковной иерархии: небесный порядок так или иначе воспроизводится на земле. Поэтому его нужно не только знать, но и уметь интерпретировать.

Ангельские хоры, по св. Григорию Великому: расположение ангелов от ближайших к Богу до ближайших к человеку

	Бог	
Пылающие любовью к Богу	Серафимы	A
Просвещенные знанием просветители	Херувимы	B
Распорядители, Божественные судьи	Престолы	C
Управляют вселенной и небесными телами	Господства	D
Руководят земными царствами	Начала	E
Освобождают от бесов и зла	Силы	F
Совершают чудеса (которые показывают Бога)	Власти	G
Посланники, вестники	Архангелы	H
Хранители, близкие к людям	Ангелы	I
	Люди	

^{*} В: Ch. M. Bellitto (ред.), *A Companion to Bonaventure*, Brill, Leiden-Boston 2014, сс. 289–332. См. также более подробно: David Keck: *Angels and Angelology in the Middle Ages*, Oxford University Press, Oxford 1998.

А вот какой идеал монашеской жизни появился в новых нищенствующих орденах XIII века, впрочем, вызывая дискуссии:

«Для святого Бернарда ангельско-монашеская жизнь – это жизнь постоянства, молитвы и созерцания. Бернард утверждает, что монах становится более подобным ангелу, чем другим людям. Его образ монашества – это образ *общинной изоляции* и *общей молитвы*, образ ничем не тревожимого небесного хора. Но для братьев ангельско-монашеская жизнь включала в себя активное, апостольское служение; францисканец, уподобившийся ангелу, не только молился, но также проповедовал и служил бедным. Франциск и его орден – это ключевой ответ на эволюцию средневекового общества. Включение монашеских сочинений об ангелах в новый социальный и религиозный контекст стало частью этого ответа. Также и доминиканцы проявляли интерес к ангелам. Однако по различным причинам, связанным с основателем ордена и его миссией, именно францисканцы особенно *интересовались* главными проблемами ангелологии»^{**}.

В традиции был принят образ лестницы из сочинений Иоанна Лествичника: монахи, как ангелы, поднимаются по лестнице на небеса, несмотря на многочисленные искушения и препятствия, и в конце восходят ко Господу. От этого традиционного образа был пройден долгий путь к интерпретации библейской лестницы (Быт 22), на которой Иаков узрел ангелов, то поднимающихся, то спускающихся. Они выступали в роли посредников между Богом и людьми^{***}. Монашествующие новых орденов, францисканцы и доминиканцы, не отказывались от идеи подни-

^{**} Там же, с. 298.

^{***} Образ лестницы Иакова также использовался в древней монашеской традиции, однако интерпретировался в Уставе святого Бенедикта (глава VII, 6–7) таким образом, что монах, из-за порока гордыни, может пасть в своем восхождении: «Необходимо, чтобы в нашем аскетическом упражнении мы поднимались по лестнице, которую видел во сне Иаков. Он видел, как ангелы спускаются и поднимаются. Нет сомнения, что мы можем этот спуск и этот подъем интерпретировать только в том смысле, что гордыней мы унижаемся, а смирением возвышаемся».

Монахи, пребывая, подобно ангелам, в вечном славословии, делают монастырь похожим на небеса. Устав святого Бенедикта (глава XIX, 4–7): «Посему будем помнить всегда, что сказал пророк: «Служите Господу со страхом», и еще: «Хвалите Его подобающим образом», и еще: «Хвалите Его, все ангелы Его». Поэтому рассудим, как нужно вести себя в присутствии Бога и Его ангелов, и будем участвовать в пении псалмов таким образом, чтобы внутренний настрой души соответствовал нашему голосу».

маться к Богу подобно ангелам, но делали акцент и на обратном движении, когда Божественные посланники спускаются с небес на землю, чтобы служить людям. Это было поистине революционное утверждение, которое позволяло с богословской точки зрения объяснить и оправдать тот факт (потенциально анархический), что монашествующие посвящали себя активному апостольству. Они сочетали наследие духовной монашеской жизни и пастырскую активность клириков.

Францисканскую смешанную жизнь, одновременно созерцательную и деятельную, не следует интерпретировать через евангельские образы Марфы и Марии (ср. Лк 10, 38–42). Эти образы использовались уже в бенедиктинской среде (как пример девиза *Ora et labora*), и в реальности всегда должны отсылать к служению (хотя и различному) личности Христа. Не только слушание обращено к Господу, но и физический труд.

Новые монахи XIII века, выходя из своих монастырей и скитов, должны были служить и Богу, и человеку, становясь посредниками между небом и землей. Эта ситуация «нисхождения с небес на землю» отчасти подобна, но отчасти и отличается от ситуации их идеальных предшественников, регулярных каноников святого Августина. Эти последние являлись свя-

щенниками, которые посвящали себя общинной жизни в определенном монашеском стиле, следовательно, они поднимались (в средневековом понимании). Но францисканцы в то же время являлись монашествующими, которые спускались, чтобы заниматься деятельностью, зарезервированной за священством, а не за монашествующими. Все эти понятия необходимо было систематизировать.

Ересь спиритуалов, то есть «апокалиптических францисканцев» (их лидер – Джерардо ди Борго Сан Доннино), во второй половине XIII века была сосредоточена на убеждении, что Франциск является ангелом Апокалипсиса, следовательно, братья призваны заменить собой нынешних священников. Братья также являются ангелами Апокалипсиса, то есть последней и окончательной иерархией, которая должна заменить испорченную земную иерархию: Церковь воинствующая должна была стать *Церковью созерцательной*. Спиритуалы были убеждены, доходя в своих убеждениях до ереси, что Ордену святого Франциска доверена эсхатологическая миссия: быть Церковью последних времен. Однако это сознание собственной исключительности было опасным.

Святой Бонаventura был призван вывести францисканцев из этого кризиса спиритуализма, который угрожал самой жизни Ордена и общению с Церковью.

Однако, чтобы добиться своей цели, он не стал удалять из биографии святого Франциска и францисканских сочинений отсылки к ангелологии. Напротив, святой Бонавентура обращается к ангелологии, чтобы восстановить утраченное равновесие. В этом ему помогли образы двух святых Францисканского ордена того времени: Франциска и Антония.

Двое святых первого поколения францисканцев

Святой Франциск был канонизирован в 1228, святой Антоний в 1232 году. Поэтому с самого начала святых во Францисканском ордене было двое. Отец-основатель является примером для всех францисканцев, а «старший сын» и проповедник Антоний – священник благородного происхождения, весьма образованный – стал первым святым братом после основателя. Или, лучше сказать, «вместе» с основателем.

Бонавентура в *Большой легенде* называет Франциска «ангелом мира»; Франциск воспринимается также как «ангел шестой печати Апокалипсиса», и наконец,

Франциск идентифицируется с распятым серафимом, который явился святому, чтобы даровать стигматы. Франциск становится «серафическим святым», подобным серафиму. Вот некоторые отрывки из биографии ассизского Святого авторства Бонавентуры:

Большая легенда I, 1.

[Франциск] Ангел истинного мира, также и он, в подражание Предшественнику, был предназначен Богом, дабы подготовить путь через пустыню крайней бедности и проповедовать покаяние примером и словом.

... он также был исполнен пророческого духа и, поставленный на службу ангелов, был преисполнен пылающей любовью серафимов – до тех пор, пока, уподобившись ангельским иерархиям, не был восхищен на небо в огненной колеснице.

Поэтому с полным правом утверждают, что [Франциск] был образом ангела, который поднимается с востока и несет на себе печать Бога живого... Так воистину говорит Иоанн в Апокалипсисе, в момент снятия шестой печати: «И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живаго».

Большая легенда I, 2.

«Живя среди людей, [Франциск] подражал чистоте ангелов, пока не стал примером совершенства в следовании Христу».

Большая легенда VI, 6.

«Брат, спутник Божьего человека, молясь однажды с ним... в экстазе увидел множество престолов на небесах, и среди них был один более великолепный и славный, чем другие, усеянный драгоценными камнями. Восхищаясь великолепием столь сверкающего престола, он начал с беспокойством спрашивать, кто мог бы на нем воссесть. Погруженный в эти мысли, он услышал голос, который ему отвечал: «Этот престол принадлежал одному из взбунтовавшихся ангелов, а теперь предназначен для смиренного Франциска»».

Малая легенда VI, святые стигматы, раздел IV

«Ангельский человек, Франциск, спустился с горы: он нес на себе знаки Распятия, не изображенного на камне или на дереве рукой художника, но начертанного на плоти перстом Бога живого».

Таким образом, Франциск все более становился ангельским Святым, или, лучше сказать, *живым Серафимом*, который удаляется от мира, чтобы стать ближе к Богу. Святой несет на своем теле стигматы: это печать Бога живого, которую имеет ангел Апокалипсиса; своим внутренним огнем Святой может воспламенять так-

же и других людей любовью, восходящей к Богу. Уподобившись Распятию, Франциск может повторять, как и Христос: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин 12, 32). Так Бонавентура объясняет это сходство, стараясь сохранять равновесие между исключительным мистическим образом стигматизированного Франциска и необходимостью дать пример апостольского милосердия другим братьям:

Малая легенда VII, транзитус, раздел I

«Божий человек отныне был распят вместе со Христом на кресте, плотью и духом. Потому он **не только был вознесен** к Богу в пожаре *серафической любви*, но и ощущал себя охваченным **пламенем усердия ради душ**. Вместе со своим *распятием* он ощущал **жажду спасать** всех, кому предназначено спастись.

Поскольку он не мог идти из-за гвоздей, пронзивших ступни, он велел обнести свое полумертвое тело вокруг города. Так этот второй **Ангел**, восходящий от востока солнца, хотел **зажечь сердца слуг Божьих** божественным пламенем: **направить на путь мира и запечатлеть печатью Бога живого их чело**».

Святой Франциск стал образом совершенства, к которому Сам Бог ведет человека. Это совершенство подобия Христу – вознесенному, потому что был смирен. Он был обогащен благодатью, потому что был полностью очищен от всех богатств в светском понимании. Он был воспламенен милосердием, потому что в милосердии есть только любовь.

Также и **Антоний**, ставший отныне «типичным» святым XIII века, воспринимался как *ангельский святой*. Но его образ был, с одной стороны, более традиционен, а с другой стороны, более доступен для подражания. Ангельская святость Антония была святостью не серафима, но *архангела*: проповедник идентифицировал себя с ангелами, которых Бог посылает на землю возвестить великие события. Такая идентификация была обычной для францисканских святых и для святых Ордена проповедников. Это касается также иконографии (наиболее известен святой доминиканец **Викентий Феррер**, которого изображают непосредственно с ангельскими крыльями!). Проповедника Антония – как и святого Доминика – всегда изображают с **книгой** (Библией) в руке, а во второй половине века – также с ветвью **лилии**. Это делается не только для того, чтобы указать на совершенную ангельскую чистоту его жизни, честной и целомудренной, делающей его подобным ангелу, но прежде всего для того, чтобы подчеркнуть его принадлежность к особому ангельскому хору: хору *Властей*, ангелов, которые несут в мир чудеса. Вполне естественно, что святые проповедники, которые провозглашают Евангелие, могут совершать чудеса, чтобы подтвердить Божественное происхождение Благой Вести. Так уже случалось с

апостолами, и об этом свидетельствует архангел Гавриил. Он, возвещая материнство Марии (самая великая Благая Весть в истории), дает также знак, говоря: «У Бога не останется бессильным никакое слово», то есть любое чудо Ему возможно. Архангел Гавриил, как говорит святой Бонавентура, принадлежит к хору Властей. Эти ангелы традиционно изображаются с ветвями лилий в руке (подобно архангелу Гавриилу на картинах Благовещения). Этот атрибут переходит в руки святого Антония – великого проповедника и чудотворца, Божественного посредника, через которого творятся чудеса.

Для Бонавентуры нищенствующие монахи (францисканцы и доминиканцы) со своей «смешанной жизнью» наиболее полно уподобляются ангелам, принадлежащим к средней категории в каждой иерархии («Гексамерон»). Наиболее совершенные братья должны походить на херувимов, исполненных мудрости и учености, ищущих познания Бога. Франциск, по мысли Бонавентуры, предстает реальным серафимом, почти неподражаемым в этом даре благодати. Возможно, что святой генеральный министр Ордена второй половины XIII века не был вполне доволен духовными и мистическими достижениями братьев, поэтому – как полагают некоторые исследователи – по его мнению, францисканцы не могли достичь высот основателя. Монашествующий должен был стремиться уподобиться ангелу (на лестнице Иакова): *Архангелу* (своей проповедью), участнику хора *Властей* (жизнью и чудесами) и *Херувиму* (мудростью и знанием Бога). Мы видим это на приведенной здесь схеме: Архангелы, Власти и Херувимы – это ангелы-посредники (они передают послания, творят Божественные дела и просвещают в познании Бога).

	Бог		
Пылающие любовью к Богу	Серафимы	А	Первая иерархия
Просвещенные мудрецы / просветители	Херувимы	В	
Те, на ком Бог пребывает и отдыхает	Престолы	С	
Управляют вселенной и небесными телами	Господства	С	Вторая иерархия
Показывают власть (virtus) Бога	Власти	В	
Освобождают от бесов и зла	Силы	С	
Руководят земными царствами	Начала	С	Третья иерархия
Посланники, вестники	Архангелы	В	
Хранители, близкие людям	Ангелы	А	
	Люди		

Ангельские хоры по Псевдо-Дионисию (серым отмечены категории посредников).

Следует отметить, что триада ангельских иерархий соответствует традиционной триаде средневекового общества. Выделялись категории *laboratores*, *bellatores* и *oratores*: трудящиеся, воины (рыцари) и те, которые молились: священники и монашествующие.

Когда Франциск писал *Устав, не утвержденный буллой*, он перечислял функции различных категорий братьев: «Посему молю с любовью, которая есть Бог (ср. Ин. 4, 16), всех братьев моих *проповедующих, молящихся, трудящихся*, как клириков, так и простых монахов, стараться смиряться во всем, не хвалиться, не радоваться в себе, не превозноситься в душе от благих слов и деяний, и вообще из-за любого блага, которое Бог творит, говорит и совершает в них, а иногда и через них» (XVII).

Франциск в своем братстве создал троичное деление: 1) те, кто посвящают себя молитве, 2) те, кто проповедуют, и 3) те, кто способны к физическому труду. Очевидно, что во «францисканском сообществе» нет сражающихся. Но для Франциска братья-проповедники равны рыцарям, так как это братья, которые сражаются со злом с помощью Слова Божьего*. Быть рыцарями великого Короля – это значит вести активную духовную жизнь, проповедовать: недостаточно только молиться и работать. *Ora, labora et praedica* (молись, трудись и проповедай). Мы знаем, что в молодости Франциск желал перейти из сословия

laboratores, куда входили торговцы, в более высокое сословие благородных воинов и рыцарей, *bellatores*. В религиозной жизни его стремление исполнилось духовным образом.

Таким образом, братья, которые помогают бедным и близки к людям, подобны ангелам-хранителям. Те, которые проповедуют на площадях, подобны архангелам. И, наконец, те, которые молятся в скитах, подобны херувимам и серафимам – они всегда пребывают пред лицом Божиим. Однако все они, как истинные ангелы, не стремятся возвысить себя, они лишены гордыни и надменности. Они не должны хвалиться благодатью и добрыми делами, которые Бог совершает через них. Такова истинная ангельско-монашеская жизнь (даже те братья, которые приставлены к кухне, молятся, и потому подобны ангелам)!

Франциск и Антоний: двое взаимодополняющих СВЯТЫХ

Жизнь Франциска, как говорят его последователи, свидетельствует о том, что Бог всегда привлекает к Себе человека, и жизнь святого превращается в легендарный образец для подражания, который постоянно актуализируется и переосмысливается в каждую эпоху. Мы воспринимаем Франциска через призму его истории, но повествование и смысл этой истории

* Ср. J. DALARUN, *L'indignité au pouvoir*, в S. BARRET, *Oboedientia*, Lit Verlag, Munster 2005, с. 43.

обновляются в каждое время, сохраняя для нас свою значимость.

В наиболее старых францисканских источниках Антоний, первый святой после основателя и святой священник, характеризуется как один из самых «совершенных» братьев своего времени, а также как один из самых верных соратников святого Франциска (Ср. Matanic, в «Studi Francescani» 1995, 262).

До канонизации Людовика Тулузского (1317), но прежде всего Бернардина Сиенского (1450) и Бонавентуры (1482), в течение всего первого францисканского века святыми Братьями меньшими были только Франциск и Антоний. Образцовые святые – братья, но не близнецы, подобные, но не тождественные. Правильнее всего было бы назвать их *взаимодополняющими*.

Их изображали всегда вместе:

это ясный признак почитания пары святых, которое сложилось у братьев первых поколений. Вспомните о цикле фресок Джотто, которые с самого начала использовались для наставления в вере, о более ранних фресках анонимного мастера в Нижней базилике, также с воспитательным значением, где проводилась параллель между эпизодами из жизни Франциска и эпизодами жизни Христа.

Мастер витражей в Верхней базилике в 1275 году рассказал двойную историю о Франциске и Антонии. А затем были фрески Чимабуэ (монаха) и Симоне Мартини о Франциске и Антонии и прочие витражи и фрески в Базилике... Это если говорить только об Ассизи.

Можно поехать в Рим – в апсиде Латеранского собора мы увидим, как Якопо Торрити в 1291 г. написал обоих святых: Франциска слева и Антония справа. Несмотря на упреки латеранских каноников за изображение слишком «современных» и «меньших» святых, художник Торрити в 1295–1296 гг. повторил эти образы на мозаике апсиды в Санта Мария Маджоре (в этот раз он изобразил святых Франциска и Антония крупно и выразительно). Таким образом, в Риме, в центре средневекового христианства, посреди многочисленных знаменитых святых и апостолов появляются Франциск и Антоний – современные святые.

Вместе с тем, как мы уже видели, оба святых францисканца делают акцент на каком-либо одном измерении монашеской нищенствующей жизни, не отрицая и не умаляя при этом другое измерение: Франциск указывает на религиозный опыт **восхождения** – это опыт человека, уподобившегося Христу, ставшего равным Христу в благодати и любви через страдания (стигматы). Антоний показывает **нисхождение** Бога в Христе – это Слово, которое стало

плотью и обитало среди нас, ради нашего спасения. Воплощение Младенца Иисуса стало главным атрибутом Антония, подобно тому как Распятие стало главным атрибутом Франциска. Антоний являет собой Слово, обращенное ко всем: не только в человеческой речи, но и в конкретных делах и чудесах, которые подтверждают Слово, делая его видимым и достоверным.

Таким образом, мы имеем **горизонтальную ось: подражание примеру святых; и вертикальную ось: почитание святых, чтобы просить о заступничестве.** Здесь мы можем наблюдать взаимодополняющее различие главных францисканских святых – Франциска и Антония: Франциск – это зеркало, Антоний – инструмент, то есть медиум, в инструментальном смысле. Франциск отражает в себе присутствие Христа, Антоний позволяет прикоснуться ко Христу и ощутить прикосновение Христа. Это различные измерения святости, но они неразделимы, и все монашествующие должны ими вдохновляться.

Франциск – святой, который смотрит и в которого можно смотреться.

Вспомним о местах, связанных со святым Франциском: он идет взглянуть на Порциунколу, которая является частью его истории, он отправляется в Сан Дамиано, где видит Распятие, которое говорит с ним... Реликвии Франциска рассказывают историю его встреч и взаимоотношений, они показывают истинную и реальную жизнь легендарного святого. Они напоминают о его бедности, о его встрече с мусульманским султаном, о его отношениях с Klarой...

Главный чудесный знак в жизни Франциска – это его стигматы: последняя печать на его существе *conformitas* (существо, ставшее *Серафимом*, воспламененное любовью, которая уподобляет Христу). Также это знак, который можно видеть, созерцать. Он отсылает к образцовому примеру – к Иисусу, чтобы «скопировать» в собственной жизни следование и подражание. Святой Франциск – это ангел; благодаря встрече с ним на челе спасенных запечатлевается знак «тау»: кто встретит его, тот не остается прежним.

В то же время Антоний – это святой встречи и слова.

Подумайте о древнейшем жесте, который мы совершаем у его гробницы: мы не поднимаем взгляд, но протягиваем руку. Мы касаемся живого присутствия. Художественные циклы и барельефы Падуанской базилики были созданы не для рассказа об эпизодах его жизни, но чтобы показать силу чудесного

вмешательства в жизни людей. Воскрешенные дети, присошая ступня, сердце ростовщика, нетронутый бокал неверующего еретика, жена, пронзенная кинжалом и исцеленная, примиренный муж... Первая сцена, которая, очевидно, описывает построение Антония во францисканские монахи, на самом деле является предлогом, чтобы напомнить о пророчестве его собрата Агостиниано, который с иронией и сарказмом сказал Антонию, покидающему монастырь по необходимости: «Иди, иди, станешь великим святым!».

Несомненно, Антоний стал в народном воображении святым-чудотворцем: его жизнь относительно мало известна, а многие почитатели и вовсе ее не знают; они интересуются не историей, но действием Святого. Великий проповедник, магистр богословия, он говорит собственным телом. Его мощи не рассказывают об исторических фактах или событиях, но представляют его личность: это он сам. Через них люди ищут целительной личной встречи, как с ныне живущим. Они хотят общаться с его телом и с его личностью – живой, присутствующей и готовой выслушать. Это ангел, который исцеляет, ангел, который спускается с неба и успокаивает дрожащих людей, говоря: «Для Бога нет ничего невозможного!»

Франциск и Антоний едины в отношении к Страстям Христовым.

Поклонение страдающей человеческой природе Христа присуще обоим францисканским святым изначально. Страсти находятся в центре францисканской духовности: по лестнице Страстей мы восходим от следования за Христом до уподобления Христу-Богочеловеку; по лестнице Страстей мы нисходим к человеческой природе Христа, Который страдает в нашем ближнем.

Франциск – это святой подражания Страстям,

уподобившийся Распятию: можно сказать, что его девизом были слова Христа: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк 9, 18–24). Серафим, который является Франциску, это одновременно ангел и распятый Христос – единственный случай в истории.

Что касается Антония,

посмотрим на цитату, высеченную у его гробницы, слова-откровение: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», вместе со следующим приглашением: «Возьмите иго Мое на себя», иго благое и бремя легкое (ср. Мф 11, 28–29).

Франциск

приглашает каждого следовать за ним добровольно, беря крест в подражание Христу. Антоний уверяет, что нам дается небесная помощь, чтобы нести собственный крест, ставший выносимым благодаря благодати. В этих двух взаимодополняющих образах заключено все евангельское послание. Это хорошо чувствовал уже Бонавентура, который в *Большой легенде** описывает явление брату Мональдо на капитуле в Арле, в то время как Антоний проповедует. Джотто включает эту историю в свой цикл фресок в Ассизи, подчеркивая тем самым ее важность. Упомянута тема проповеди Антония братьям: он проповедовал «под именем Креста» (Иисус Назорей Царь Иудейский), и во время этой проповеди ему в духе явился святой Франциск. Пламенное поклонение кресту находится в центре духовности и Франциска, и Антония, то есть, является центром духовности Меньших братьев. Двойное послание: нести крест с любовью, как Христос, и помогать другим нести их собственный крест.

Во Франциске сияет **со-страдание Христу**, которое позволяет каждому принять волю Божью из любви к Нему, а в Антонии – **со-страдание к тем, кто распят, как Христос** (Который разделяет крест ближнего). Мне представляется, что здесь заключен синтез христианской духовности, проистекающей из францисканского благочестия. Христос на кресте представлен как наивысшее воплощение восходящей любви. Он хотел, чтобы такой любовью любило Бога Его творение – свободное и наделенное разумом. Христос возлюбил Отца до смерти, отдал всего Себя, жертвует Себя Отцу из исключительной любви к Нему. Так и Франциск жертвует себя и свою жизнь, вплоть до стигматов. Это высшее проявление любви Франциска, во всем подобно Христу. Любящий становится страдающим образом Любимого. Это любовь, которая возвышает.

Эта распятая любовь включает в себя также отношения между Иисусом и людьми – его братьями, которые через высший акт любви, через освобождающую жертву могут участвовать в жизни Троицы. В кресте обозначается также другой аспект любви: любовь, которая искупает, которая освобождает братьев, погруженных в нищету, любовь нисходящего милосердия. Аспект искупления и освобождения бедного грешника Христом распятым – это именно то, что Антоний проповедует и показывает своими делами.

* FF 1081: Бонавентура, Большая легенда, глава IV, развитие Ордена (о явлении в Арле во время проповеди Антония:) «Всемогущая сила Бога... явила себя... явился Его слуга Франциск во время проповеди своего верного глашатая Антония, чтобы тот мог подтвердить истину своих слов, и в особенности тех слов, которые касались креста Христова, которого он был знаменосцем и слугой».

Предлагаю сравнительную таблицу, где указано «поляризующее» сопоставление – с целью объяснения обеих личностей:

Взаимодополняющее различие францисканских святых – Франциска и Антония

СВЯТОЙ ФРАНЦИСК	СВЯТОЙ АНТОНИЙ
Историческую жизнь святого необходимо знать	Жизнь святого не так важна, как потребность молитвенного обращения к нему
Распятие зовет Франциска и говорит с ним («И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе») Брат Массео спрашивает Франциска: «Почему за тобой идет весь мир?»	Младенец Иисус является Антонию. <i>Воплощение</i> : «И Слово стало плотью, и обитало с нами»
Восходящее движение (шестикрылый <i>Серафим</i> , со-распятый), ср. Бонавентура, «Гексамерон», 16, 28.29 Святой Михаил (которого так почитал Франциск) – ангел, который сопровождает души к Богу	Нисходящее движение (<i>Херувим</i> , Ангел Власти; Архангел Гавриил, символ – <i>лилия</i>) Деятельная и созерцательная жизнь в подражании ангелу великого благовестия (Слово); <i>нет ничего невозможного Богу</i> (чудо)
<u>Скит для Франциска</u> – это место <u>прибытия</u> : восходящая жизнь, вплоть до вершины горы Верна, для неизгладимой мистической встречи, которая лишает дара речи	<u>Скит для Антония</u> – это место <u>отправления</u> : смирение и тишина Монтепаоло, за которым следует нисхождение и открытое слово, обращенное ко всем нуждающимся
О Франциске напоминают не столько чудеса ¹ , сколько <i>уподобление Христу</i> «Франциск, следуя Евангелию, не преступил его ни на черту, ни на йоту. Он не нашел более легкого бремени, чем Христово в колесе этой земной жизни» (антифон Юлиана Спирского)	Чудеса Антония становятся путеводной нитью: Господь подтверждал чудесами Слово апостолов (ср. Мк 16,20) «Если ты просишь чудес... больные встают здоровыми... ищут и находят... пусть свидетельствуют падуанцы» (респонсорий Юлиана Спирского)
Воспринятое послание: <i>жизнь Христа</i> в бедности, целомудрии и послушании, дабы ей подражать (как физически, так и духовно)	Воспринятое послание: <i>жизнь ближнего</i> – нищего, одинокого, страдающего, – которую нужно исцелять (как нравственно, так и физически)
Провозглашение Добра, дабы ему <i>подражать</i> Святой, в котором преобладает аспект подражания	Защитник против Зла, дабы к нему <i>зывать</i> Святой, в котором преобладает аспект заступничества
Человек простой, неученый, за которым следуют ученые и знатные, высокопоставленный клир... те, которые <i>избрали</i> бедность	Человек ученый и утонченный, за которым следуют неученые и бедные <i>не по собственному выбору</i> , а потому что ищут помощи
<i>Любовь к Богу</i> вплоть до отвержения себя, чтобы уподобиться Христу, став примером для ближнего	<i>Любовь к ближнему</i> как миссия, которая родилась из любви к Богу, чтобы поступать так, как поступал Христос.
Не священник: все верные могут отождествлять себя с ним	Священник: все верные ищут в нем посредничества

Во францисканской духовности и благочестии возникает особый параллелизм между святым Франциском и святым Антонию: **первый – это другой Христос, а второй – это другой Павел**. Франциск – это источник воды, Антоний – река, которая несет эту воду дальше. Во францисканском благочестии они никогда не разлучены и не разлучаемы. Могу добавить, что для нас, Меньших братьев, почитание обоих свя-

тых необходимо и спасительно. Святой Франциск находится в основе – это краеугольный камень нашей идентичности. Он отвечает на вопрос «Кто мы?». Без него мы этого не знаем. Для других монашествующих Франциск – это тот, кто *основал* новый орден, для нас – это *отец*, который родил нас в мир. Он – *устав* нашего ордена, а не только инициатор нового движения посвященной жизни. Он открывает, «кто мы»: это **рас-**

сказ о нашем бытии, который нужно постоянно освежать в памяти.

Антоний – это священник, проповедник и святой. Он отвечает на вопрос «**что мы делаем?**», выражает наилучшим образом апостольскую миссию монашеской семьи. Активность Ордена, то есть пастырское попечение, обучение, священническая проповедь, благотворительная и общественная деятельность, через Антония наложили неизгладимую печать на облик Ордена Меньших братьев (в особенности конвентуальных), полностью отвечая потребностям Церкви. Священник-ученый также может стать святым францисканским братом: Антоний это подтверждает личным примером!

Франциск – между созерцанием и проповедью, Антоний – между проповедью и созерцанием.

Святой Франциск неизбежно *восходит* к Богу, хотя нельзя сказать, что ему чуждо нисходящее движение. Обратное движение присуще Антонию. Не нужно считать пример каждого святого односторонним. Есть эпизоды в жизни обоих святых, где были явлены и мистическое устремление к Богу, и апостольское устремление к человеку. Оба устремления должны присутствовать в духовной жизни Меньших братьев, даже если равновесие всегда кажется хрупким, а движения подъема и спуска нуждаются в постоянном различении. Приведу два примера:

Цветочки святого Франциска, глава XVI: «Смиранный слуга Христа Святой Франциск вскоре после его обращения, уже собрав множество братьев в Орден, был весьма озабочен вопросом, что ему надлежит делать. **Стоит ли ему посвятить себя молитве или проповедовать Слово.** По смирению своему, он не был высокого мнения о себе или о добродетельности своей молитвы. Желая узнать волю Бога, он стремился познать ее через молитвы других. Во исполнение этого он призвал Брата Массео и так обратился к нему: «Ступай к Сестре Кларе и проси ее от моего имени, дабы она с самой благочестивой своей сестрой молилась Господу, да откроет Он мне, что желает, чтобы я делал – **проповедовал или же пребывал в молитвах.** А затем отправляйся к Брату Сильвестру и проси его о той же милости». (...) И вот Брат Массео сделал, как ему велел Святой Франциск, доставив послание сначала Святой Кларе, а затем Брату Сильвестру, который немедленно приступил к молитве и, получив ответ от Господа, пришел к Брату Массео и сказал ему: **«Господь сказал – ступай и скажи Брату Франциску, что он призвал его, дабы спасти его душу, но что он может произвести плоды в других душах, и что через него многие ду-**

ши спасутся». Получив этот ответ, Брат Массео вернулся к Сестре Кларе, спросить, что она узнала от Бога. И Клара сказала ему, что она и ее сестра получили от Бога такой же ответ, какой Господь дал Брату Сильвестру. Тогда Брат Массео поспешил к Святому Франциску доставить ему сии ответы. И Святой Франциск принял его с великой милостью (...) и сказал: «Какой ответ ты доставил мне? Что повелел мне Господь мой Иисус Христос?»

Брат Массео ответил: «Господь Иисус Христос открыл и брату Сильвестру, и сестре Кларе, что надлежит тебе идти по миру с проповедью, ибо ты был призван не только ради себя самого, но ради спасения прочих». Тогда Святой Франциск, получив ответ и узнав, какова воля Господа Иисуса Христа, порывисто встал и сказал: «Пойдем, во имя Божье»».

Франциск чередовал долгие месяцы молитвенного уединения в горах со спуском в деревни, чтобы возвещать Слово Божье. Вспомним о последнем сорокадневном посте на горе Верна, где в уединении и молитве Франциск достиг совершенного уподобления Иисусу, через стигматы, запечатленные на нем распятым Серафимом.

Теперь перейдем к Антонию. Вот что рассказывает *Vita Rigaldina* (6, 24–28): «В Лиможе в Великий четверг 1226 г. святой начал сеять семена Слова жизни для народа, который наполнял церковь. В то же время меньшие братья в своем монастыре воспевали хвалы Господу. Антоний был поставлен петь чтение во время этой утрени: но человек Божий в этот момент проповедовал в церкви Святого Петра, которая стоит далеко от монастыря братьев. Когда они, продолжая богослужение, дошли до чтения, которое должен был петь Антоний, он внезапно появился среди хора, начал чтение и продолжал до самого конца. Все присутствующие братья были потрясены, потому что знали, что Антоний проповедует в городе. Могущество Бога соделало так, что он в одно и то же время был и в хоре с братьями, и в церкви с народом, которому возвещал Слово жизни».

Антоний в этом чуде биллокации описан именно как ангел, который может одновременно находиться перед престолом Божьим, восхваляя Господа, и исполнять миссию для блага людей. Также в конце жизни, завершённой последней проповедью Великого поста, святой Антоний удалился в Кампосампьеро в отдельную келью на дереве, между небом и землей, чтобы достичь последней цели с помощью созерцания.

* * *

Оба святых – Франциск и Антоний – замыкают, таким образом, кольцо восходящего и нисходящего движения, которое оставлено в наследство Францис-

канскому ордену. Меньшие братья – как часто можно видеть в иконографии – на земле подражают небесному. Ангелы, которые поклоняются Христу, обращены к Деве-Матери: они являются примером для монашествующих. Меньшие братья изучают и углубляют Слово, служа Церкви. Они помогают Церкви как своей молитвенной жизнью, так и апостольством: никогда не односторонне, но всегда чередуя оба движения и удерживая их в равновесии – как посредники между небом и землей. ☉

¹ «Легенда трех спутников», глава XVII: «Неоспоримая истинность этих стигматов была засвидетельствована при жизни его и при его смерти, ибо их могли видеть и осязать. После погребения Господь соизволил еще яснее явить их истинность посредством многих чудес, совершавшихся в разных странах мира. Чудеса эти изменили сердце многих людей, которые, не приняв святого, ставили под сомнение истинность его стигматов. Они обрели такую уверенность, что, по милости Божьей и сраженные очевидностью явленного, стали преданными почитателями Франциска и глашатаями его славы».

ПИР

ЭТО ЛУЧШИЙ ОБРАЗ СЧАСТЬЯ

В издательстве ББИ св. Апостола Андрея вышла книга «Пир – это лучший образ счастья», рассказывающая об образах трапезы в богословии и культуре. Книга задумана как «благодарное приношение» Наталье Леонидовне Трауберг.

Мы беседуем с одним из редакторов издания, переводчиком и литературоведом Светланой Панич.

Как возникла идея такой книги?

Все началось в 2008 году, когда после очередных Андреевских чтений Наталья Леонидовна предложила поговорить о еде в культуре и даже провести конференцию на эту тему. Всех это увлекло, поскольку образы трапезы в культуре очень многообразны и достаточно крепко нагружены разного рода смыслами – символическими, историческими, богословскими и философскими. Но при жизни Натальи Леонидовны этот замысел так и не удалось осуществить.

В первый год после ее ухода мы думали, каким образом сказать ей «спасибо» за все, что она нам оставила и чему научила. И решили устроить ту самую конференцию, о которой с ней не раз мечтали и идею которой обсуждали не раз, когда вокруг Натальи Леонидовны собирались люди – каждый для нее был особым, неповторимым, и всякий раз это были неопишываемые пиры радости, понимания и дружбы.

Вы упомянули о «наследстве», оставленном Натальей Леонидовной, имея в виду переводы или нечто большее?

Если говорить о наследстве в виде переведенных книг – это прежде всего основные тексты Клайва Льюиса, которые вышли в массовое чтение в начале девяностых годов еще в самиздате – и многих сформировали как людей. Это все, что известно русскому читателю из Честертонна – его роман «Перелетный кабак» (который читается сейчас как одна из самых актуальных книг), «Человек, который был четвергом», «Шар и крест», «Возвращение Дон Кихота» – словом все, кроме юношеских рома-

нов Честертонна, открыла русскому читателю Наталья Леонидовна. Кроме того – честертоновские трактаты, практически все. Огромный корпус рассказов, эссе и, конечно же, рассказы об отце Брауне, по которым Честертонна знают даже те, кто «плюется» от благочестивой литературы. Честертон – добрый, честный и совестливый, а это свойства, которые востребованы в любую эпоху. И, наконец, по хронологии, а не по значимости – это совершенно райский англо-американский писатель Пелам Гренвилл Вудхаус. Он родился в Англии, после Второй мировой войны был отторгнут любимой страной и жил в Америке, где получил признание лишь в конце жизни. Поразительно, что все то время, когда он очень мучился от того, что любимая Англия воспринимала его недостойным своего гражданства (по сути как коллаборациониста), он не создает ни одного злобного текста. Это редкий в европейской литературе писатель, у которого нет отрицательных героев, нет злодеев в чистом виде. Те, кто не райские – смешные, дурацкие, нелепые, но с огромной открытостью к тому, чтобы с ними что-то происходило.

Что же касается наследства более важного, которое и создавало тот мир Натальи Леонидовны, к которому нас всех тянуло, оно вполне укладывается в две формулы. Первая, очень любимая Натальей Леонидовной, принадлежит важному для нее человеку – литовскому францисканцу отцу Станиславу Добровольскису, жившему в деревне Пабярже. Когда Наталья Леонидовна как-то привела к нему свою двенадцатилетнюю дочь, чтобы он дал ей наставление, о. Станислав сказал: «Девочка, со всеми считайся и тувельки ставь ровно». Вот это первое. А вторая мысль относится к середине 2000-х годов, когда Наталья Леонидовна все чаще вспоминала одну пророческую фразу, повторяя: «Нам только одно сказано: “Утешайте, утешайте народ мой”». Мне кажется, что это завещание исполнить невероятно трудно. Но что досталось, то досталось.

Давайте вернемся к образу трапезы и к идее конференции...

Да, мы решили, что эти конференции будут подарком, приношением. В доме Натальи Леонидовны часто появлялись разные люди и хотели поделиться тем, что им ин-

тересно. Это пробуждало самые неожиданные разговоры, открывало неожиданные повороты, включало все новых и новых людей, они становились друзьями друг другу, хотя в другой ситуации вряд ли бы встретились... По такому же принципу построена и наша книга. Статьи в ней объединены не столько тематически (хотя, конечно, сквозная тема есть), сколько общим принципом дружества. Кто-то знал Наталью Леонидовну еще в 60-е годы, другие знали ее по рассказам друзей, но тоже захотели чем-то с ней поделиться.

Тема трапезы совершенно неоглядная, безграничная. Когда мы начали ее осмысливать, оказалось, что она не только одна из древнейших форм культурной рефлексии, но и возможность говорить о самых разных вещах и предметах. Трапеза как символ, ритуал пронизывает практически все формы человеческого общения и существования. Помимо того что в архаических культурах трапеза являет связь мира живых и мира мертвых, мы прекрасно знаем, как значим этот символ для христианской культуры, в истории спасения. В античной культуре пир был пространством собеседования. В культуре XVIII века трапеза – это не просто придворные застолья, но опять-таки средство выстраивания социальных связей. Это кажется мне очень важным особенно в нынеш-

ней ситуации, когда весь мир, с одной стороны, гордится своей разобщенностью, а, с другой стороны, от нее очень страдает. Где бы трапеза ни происходила, она соединяет людей.

Ваша статья посвящена образам трапезы в художественном мире Гавриила Державина. Почему вы выбрали творчество именно этого поэта?

Державин совершил в истории русской поэзии некоторый переворот. Он был первым, кто ввел гастрономические образы в русскую высокую поэзию – оду. До него о еде в поэтической парадигме практически никто не говорил. Ранее еда появляется в комедии Фонвизина, но в другие жанры, в том числе в поэзию, вход был закрыт. Только после Державина стал возможен «страсбургский пирог нетленный» у Пушкина, только после Державина образы застолья стали легализованы в культуре.

Державин, с одной стороны, открывает образами трапезы очень важную для его поэтического мира тему благодарения за тварный мир, за жизнь, которая есть «небес мгновенный дар, устрой ее себе к покою». Интересно,

что символом жизни в достаточно раннем стихотворении Державина становится «стол яств».

Трапеза в поэзии Державина не просто увидена внимательным, восхищенным, благодарным взором – об этом писал С.С. Аверинцев, – трапеза не только увидена, она и принесена.

Вот одно из знаменитых державинских стихотворений, где он описывает идиллическую жизнь в своем имении Званка Новгородской губернии:

Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором. Багряна ветчина,
зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая: прекрасны!

И далее поэт говорит о том, что они прекрасны потому, что манят «не только вкус, а взор». Однако это не просто гедонистическое созерцание гурмана, хотя Державин был гурманом и очень гостеприимным человеком: в его гостинной стоял огромный раздвижной стол под названием «сороконожка», за которым помещалось огромное количество гостей. Этот стол до сих пор можно увидеть в музее Державина на Мойке. Но к тому же Державин был одним из немногих в современной ему русской поэзии созерцателей в чистом виде, в буквальном смысле этого понятия. Если мы почитаем другие его стихотворения, то увидим, что мир, который в них изображен, увиден особым образом: он увиден в перспективе света, в райской перспективе. В поэзии Державина нет темных цветов, в ней все залито светом. О каком бы времени суток, времени года поэт ни писал, его мир – это мир, залитый светом, причем светом, у которого часто нет материального источника, это свет другой – свет Теофании. Совершенно так же, в этой райской перспективе, увиденое все, что сотворено и подарено человеку. Теми же красками, какими Державин описывает небо, закат, мир вокруг, теми же красками и с той же щедростью и насыщенностью он описывает и то, что дано человеку для радования, для того, чтобы делиться.

Пройдет еще около тридцати лет и появится первая русская гастрономическая поэма «Обед». Ее автор Владимир Филимонов – поэт второго ряда, но очень ценный Пушкиным, в библиотеке которого была эта книга. И вот Филимонов определит свою задачу как воспевание, прославление и утверждение философии обеда.

У Державина все кажется более возвышенным, даже богословским...

О нет, он как раз очень не любил возвышенности! У него все было как раз необычайно равным себе, даже в одах у него совершенно нет того, что о. Александр Шмеман называл «педалью». Но если Филимонов создает философию обеда и вина, то Державин, наверное первый в русской поэзии, создает поэтическое богословие трапезы. Отношение Державина к миру – это отношение благодарное, более того – это отношение евхаристическое. Это благодарность, которая приносит не только за все, что поэт получает как дар, но и во всем, что он отдает. Это хорошо прослеживается в его творчестве. И вот в это евхаристическое мироощущение вписаны у него образы трапезы.

Державин говорит о том, что через без малого два столетия скажет о. Александр Шмеман: «Все на свете, а иногда и еда, становится Божественной любовью».

Коль скоро мы заговорили о благодарении, хочу напомнить еще одну фразу, возникающую в контексте державинской поэзии. Она восходит к раннехристианскому опыту. Ипполит Римский, описывая раннехристианские агапы, писал: «Собираемся, чтобы благодарить». Вот эта мысль – приглашение в гости, собиравшие как благодарение – для Державина исключительно важна. Для него нет ничего, что было бы изъято из возможности благодарить. Вот именно поэтому он и зовет к себе гостя, чтобы не только разделить с ним трапезу, но и вместе с ним – в единстве, в общности, в той радости, которую она творит, – принести благодарение. Тем самым его поэзия готовит к наивысшему единству и наивысшему благодарению за всех и вся.

Метафора пира очень многозначна. Как ее стороны раскрывают другие материалы сборника?

Не могу сказать, что сборник имеет всеохватывающий характер, такую задачу мы перед собой не ставили. Мы попытались показать, каким образом мотивы трапезы переживаются, осмысливаются, раскрываются и приобретают те символические значения, которые, может, не столь очевидны в библейских текстах, начиная с трапезы Песаха – первой трапезы Исхода, прототрапезы, с которой началось путешествие из рабства к свободе. Ей посвящена замечательная статья бенедиктинца, живущего во Франции, брата Иеронима Леферта. Несколько статей посвящены различным смыслам и

символике трапезных сюжетов в Ветхом Завете. Очень любопытны, на мой взгляд, тексты, раскрывающие совершенно неожиданные измерения трапезы в народной культуре. Это статья Ксении Сергазиной, посвященная гастрономическим ритуалам малоизвестной общины христоверов, и статья Елены Сморгнуновой, посвященная понятию «трапеза духовная» в различных рукописных источниках.

Что в себя включает понятие «трапеза духовная»?

Трапеза духовная – это универсальная метафора, является она задолго до того, как стали собираться сборники под таким названием. Эта метафора объединяет то, что принято называть душеполезным чтением. Возможно, эта метафора восходит к закрепившимся и по сей день в монастырском укладе практикам, когда еда сопровождалась духовным чтением. В русскую культуру понятие трапеза духовная входит благодаря сборникам разного рода поучений, душеполезных историй и притч, объединявших в себе патериковые сказания, фрагменты из неканонических книг Ветхого Завета, короткие новеллы. Поначалу эти сборники складывались в Византии, позже туда стали проникать западные сюжеты.

В статье Е.М. Сморгнуновой идет речь о тех сборниках, в которых полезность духовной трапезы распространяется не только на душу, но и на тело, – о так называемых вертоградах лечебных, или лечебниках, которые появляются в конце XVI века и входят в массовый обиход в XVII веке. Елена Михайловна на примере этих лечебников прослеживает, каким образом человек той эпохи осознавал себя, переживал границу между своими и чужими (она анализирует в том числе лечебники для чужестранцев, немцев, строившиеся по принципу «что русскому полезно, то немцу смерть») и анализирует кроме лечебников также лубочные картинки. Они опять же возникают на границе культуры душеполезного и светского чтения, чтения как развлечение. Здесь очень интересны примеры того, как народное богословие пытается адаптировать достаточно высокие положения евангельского богословия. Так, она описывает хранящуюся в историческом музее лубочную картинку, на которой изображены монах и врач, беседующие в лечебнице. Рядом стоят стол для приготовления лекарств и престол с чашей. Подпись такова: «Причастися лжицею покаяния и будеши причастны жизни вечной». О том же – о мотивах трапезы в русских синодиках XVII–XVIII веков, простирающихся от небесной трапезы Евхаристии до раз-

гульных и разудалых пиров грешников, рассказывает статья замечательного культуролога Людмилы Сукиной.

Хочу вернуться еще к двум текстам, которые вошли в библейско-богословский раздел. Это статья Елены Яковлевны Федотовой о запрещенной трапезе в Ветхом Завете. Мы привыкли к тому, что гастрономические регламентации Ветхого Завета относятся прежде к предписаниям о кашруте, однако, как показано в этой статье, они выходят далеко за пределы ритуальных предписаний. И очень часто трапеза становится символом расположения или нерасположения, принятия и отвержения, вплоть до того брачного пира, который мы находим в Новом Завете, на который званы все, пира как символа царства. Речь идет о трапезах, связанных с первородством – Иаков и Исав, с другой стороны – о трапезах, которые так или иначе были формой жертвоприношения.

Вторая очень интересная и значимая статья, затрагивающая эту тему – Ольги Запрометовой «Тора, трапеза и богообщение в иудейской и христианской традициях поздней античности». Иудео-христианская проблематика в нашем богословском обиходе встречается не так часто. В этой статье тоже идет речь о том, каким образом один из древнейших архетипов человеческой культуры становится знаком отделенности, избранности, знаком святости и знаком единства и знаком Царства.

Мы совсем ничего сказали об изобразительном искусстве, а этому посвящен целый раздел сборника...

По содержанию этих текстов можно проследить, каким образом искусство осваивает символику пира начиная с поздней античности (статья Татьяны Воробьевой о погребально-поминальных трапезах) – очень интересно прослеживается, каким образом памятники, возникшие в ситуации культурного двоеверия, мотивы евангельские и элементы эллинистической культуры перекликаются друг с другом и друг друга раскрывают. Это отправная точка. А конечная в хронологическом отношении точка – это статья о том, как пир премудрости осмысливается в творчестве современной художницы Елены Черкасовой.

Ее творчество ассоциируется не только с традициями коптского и наивного искусства, но это попытка создать тот совершенно особый выразительный богословский язык, благодаря которому библейский мир становится родным для современного человека. ☺

Беседовала
Мария Таривердиева

Александр Нежный

NIMBUS

Предлагаем вашему вниманию отрывок из романа Александра Нежного «Nimbus», повествующего о последних днях жизни Фёдора Петровича Гааза (Центр книги Рудомино, 2013).

Предисловие автора к отрывку из романа

Какая, заметит кто-нибудь, несвоевременная и ничего приятного не сулящая нам затея – личностью доктора Гааза поверить российскую жизнь XXI века. Будто бы нельзя заранее предсказать нестерпимый разлад между человеком в белых одеждах и погрязшим во лжи и жестокости мире. Будто бы мы не знаем, что житие праведника в некотором смысле всегда трагично. Разве не так?

Но без него вообще тоска. Святой человек нужен нам, как некое особенное зеркало, заглядывая в которое, мы видим в нём свои неприкрашенные черты. И ужасаемся. И твёрдо обещаем, не откладывая в долгий ящик заняться нравственным самоусовершенствованием. Хотя бы милостыню, наконец, подарить нищей старухе, что вот уже несколько дней скорбным памятником стоит у входа в метро и смотрит на меня с безысходной печалью в почти выцветших, светлых глазах... Ах, думаю я, проносясь мимо и везде и всюду опаздывая. Бедная. Прости, Христа ради. В другой раз. И сбегая вниз, и торпливой рукой вставляя магнитный билет в щель автомата, и проскакывая в вагон между почти сомкнутыми створками, и лишь в конце первого перегона переводя дух, – я вдруг с поразительной ясностью воображаю остановившуюся возле старухи пролётку и пожилого человека в старой шубе, грузно ступающего с подножки в раскисший снег, дабы выслушать у нищей её скорбную повесть, ободрить упованием на милосердие Спасителя и тихонько вложить ей в руку толику монет для преодоления тягот ещё долгой зимы.

Мы всё спешим по делам – а он спешил делать добро.

Его тень тревожит мою совесть. Чудак, думаю я. Вольно ему ездить в пролётке, запряженной клячами. Вольно ему немалое свое состояние раздать бедным и быть похороненным на казенный счёт.

Вольно ему возражать царю и преклословить митрополиту – из-за чего?! из-за кого?! – то ради какого-то ссыльного старика-старообрядца, то ради облегчения участи арестантов, которых гнали через Москву в места и тогда не столь отдаленные. “Вы всё говорите, Фёдор Петрович, о невинно осужденных, – сердито выговорил ему однажды митрополит Московский Филарет, богослов и отчасти даже поэт, ответивший Пушкину на его “Дар напрасный, дар случайный” назидательными строками: “Не напрасно, не случайно жизнь от Бога нам дана...” – Таких нет. Если человек подвергнут каре – значит, есть за ним вина”.

Убогий разум мира столь явно торжествовал в этих словах над святым безумием Евангелия, что Фёдор Петрович был поражён в самое сердце. “Да вы о Христе позабыли, владыко!” – вне себя, вскричал он.

Таким образом – мне кажется – я объяснил, почему Федор Петрович стал *героем моего романа*.

Добавлю, что еще в молодые годы я с волнением сердца прочел о нем замечательный очерк Анатолия Федоровича Кони. Не стану притворяться и утверждать, что с тех пор не проходило и дня, чтобы я не вспоминал о Гаазе. Иногда, правда, с какой-то смутной тревогой я начинал соображать, что лучше бы мне бросить все мои статьи и книжки и попробовать возместить мой личный долг Федору Петровичу – написать достойную его судьбы и подвига книгу.

Получилось? Не получилось?

Лучше всего об этом знает он и когда-нибудь об этом мне скажет.

Молитва

1.

Федор Петрович ложился поздно, засыпал быстро и спал младенческим чистым крепким сном до шести утра, когда тихий голос извне шептал ему: «Пора». Раньше голос говорил по-немецки: «Es ist Zeit», но в последние годы это слово чаще звучало по-русски – как в русскую речь были облечены овладевавшие им тотчас по пробуждении беспокойные мысли о больницах, арестантах, о деньгах на муку, соль, крупу, медикаменты, на дрова, наконец... Русское лето пролетает быстро, как человеческая жизнь: от первого крика до последнего стога, от майского ливня до ноябрьского снега. Зимой в печи должны трещать дрова и гудеть огонь, согревая тех, кого и без того прибила стужа их судьбы. О, деньги, деньги! Извольте влезть в отведенные на каждого двадцать девять с половиной копеек и пропитать его от утра до вечера, и постелить ему постель, и обиходить, и запасти дрова, да купить на три с половиной копейки порошки и пилюли – и тогда, сударь мой, ежели вы в житейской суете не очерствели сердцем и не отвыкли сострадать ближнему, вы наверняка возопите громким голосом: люди добрые! подайте нищему на поправление единственного его, но пошатнувшегося достоинства – здоровья! на устройство ретирад отдельных для пола мужского и пола женского подайте! ведь это бедствие, когда двадцать четыре лица одного пола и столько же – другого стоят в очереди в единственную на первом этаже больницы маленькую комнатку! Академик же архитектуры господин Быковский имеет нескрываемое отвращение входить в обсуждение сих предметов, поелику ретирада – не Парфенон. Да это и без него известно, но ведь не Парфеноном единым жив человек! И ссыльным подайте, дабы не перемерли на кандалном пути. Люди добрые! Вы – свет России. Да не оскудеет рука ваша.

Сквозь задернутое сиреневой занавесью окно виден был расцветающий летний день, напоминающий в этот час играющего на руках матери ребенка с шаловливой улыбкой и ярким румянцем на щеках. «Mein Gott! – из глубины души воззвал Федор Петрович и повторил, теперь уже по-русски. – Боже мой! Без Тебя не совершится ничего». Он спустил ноги на привезенный когда-то сестрой Вильгельминой из Мюнстерайфеля коврик с изображением уютного домика в саду, теперь уже порядком вытертый, поглядел на них и остался недоволен синими вздувшимися жгутами вен. Ибо что сей феномен означает? Erste: сузившиеся от наслоений возраста сосуды. Zweite: ослабевшее против прежнего сердце, которое с усилием гонит по телу густую старческую кровь. И, наконец, dritte: ветшающую плоть, от нее совсем уже в недалеком будущем предстоит облегчающее избавление, как от старой, выносившейся одежды. Нагим выходит человек

из чрева матери своей и нагим возвращается. Федор Петрович кивнул, соглашаясь с мучеником Иовом, поднялся и шагнул к умывальнику. Поплескавшись прохладной водой, отерев лицо и руки жестким полотенцем, он надел подаренный три года назад друзьями халат темно-синего бархата с меховой опушкой и встал перед тисненым на коже изображением снимаемого с Креста Иисуса Христа. Голова Его была откинута, левая рука безжизненно повисла, из левого же бока, куда острием копья ткнул римский воин, еще сочилась кровь, на ступнях зияли оставленные гвоздем раны. Лик Его всякий раз до глубины души, а в последние годы, правду говоря, иногда и до слез потрясал Федора Петровича выражением только что перенесенного безмерного страдания, скорби и вместе с тем просветленности. В естестве человека умирает Бог. Жертва принесена. И в виду ее имеет ли хотя бы малейший смысл спор – одним или двумя гвоздями были пропята ступни Христа? О, как прав Фома: когда бы такое же старание прилагали к искоренению пороков и к водворению добродетелей, какое прилагают к возбуждению споров! Воистину: не было бы столько зла и соблазнов в народе... Посему: оставьте, господа. Голгофа не для того. Преклонимся перед ней с объединяющей всех скорбью, любовью и верой. Он перекрестился как русский и православный: троеперстием, но как немец и католик: слева направо. In Nomine Patris... и Сына... et Spiritus Sancti... Аминь. Pater noster... Отче наш, Иже еси на небесех... Гааз молился, мешая латынь с церковно-славянским и русским. Бог читает в душе. И промолвил ли человек ave, Maria, gratia plena, Dominus tecum или Богородице, Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобой – все едино. Бог внимлет не словам, а вложенному в них сердечному трепету.

Его молитва сама собой перетекала в разговор с Господом. Федор Петрович был совершенно уверен, что Господь с участливым вниманием входит в преодолевающие его каждый день заботы и с сердечным, ежели так можно выразиться, расположением принимает обращенные к Нему просьбы. Иначе и быть не могло. Создавший нас, не остави нас милостями Своими. Так он говорил, ненавязчиво напоминая Сущему, что создание твари влечет за собой ответственное попечение о ней. Иногда – ах, да что там: иногда! К чему лукавить и, главное, перед Кем? Перед Тем, Кто знал о нас до нашего появления на свет? Кому открыты наши тайные помыслы? Кто всякое наше слово слышит прежде, чем оно слетело с уст? Часто, очень часто Федору Петровичу приходилось настойчиво и, могло показаться со стороны, даже назойливо повторять одни и те же ходатайства. По известным одному Богу основаниям, Он медлил, к примеру, своим всемогущим вмешательством покончить с прутом, каковой есть немислимое издевательство над несчастным, и без того уже лишенным свободы человеком. Также и крепостные, отец и мать, наказанные своим владельцем ссылкой, но отправлявшиеся без своих деток, которых помещик остав-

лял у себя. Сколько слез! Сколько боли! И старики среди заключенных, совсем обессиленные. Как можно гнать их в Сибирь! Оставить! Оставить! Непременно оставить – в больнице ли Бутырского замка, пересыльной тюрьмы или здесь, в Полицейской. Дайте старому человеку спокойно умереть. Он злодей? Вы ошибаетесь: он был злодей, но теперь это дряхлый, доживающий свой век и – кто знает! – раскаявшийся человек.

Ах, mein Gott, до сей поры, bis jetzt, памятен ему устремленный на него пристальный взгляд словно наполненных льдом голубых глаз. Страшным взором смотрел на него Николай Павлович, русский император. Под сводами тесного коридора Бутырского замка громом раскатывался голос, при звуках которого даже всесильного вельможу охватывало едва преодолимое желание превратиться в букашку, спрятаться в щель и там переждать гром и молнию царственной грозы. «Отчего, Федор Петрович, ты всем противоречишь, противишься и препятствуешь этого злодея отправить в каторгу?!» В минуту вслед за тем наступившей тягостной тишины кто-то из светских генералов набрался храбрости, откашлялся и молвил вполголоса, что господин Гааз совершенно не знает меры в проявлениях своей филантропии. Его давно надо бы сократить. В сострадании и любви к ближнему какая может быть мера? – хотел было спросить Гааз, но обращенный к нему суровый лик повелителя народов и властелина неисчислимых земель призывал к незамедлительному ответу.

Отчаяние сжало Федору Петровичу сердце и сдавило горло. «Государь...» – едва вымолвил он и тяжело опустился на колени.

Сверху вниз, чуть склонив голову, Николай Павлович смотрел на него уже не карающим вседержителем, а судьей, сменившим праведный гнев на всепрощающую милость. «Полно, Федор Петрович. Встань!» И мановением царственной десницы государь показал, что грешнику отпущен его грех. «Ну, что ж ты. Встань». Глядя на узкие, с тупыми носами, блестящие черные туфли, в которые был обут государь, Гааз вздохнул и твердо сказал: «Не встану, ваше величество». «Да что с тобой?! – с неудовольствием спросил Николай Павлович. – Я тебя простил. Что тебе еще?» «Вставайте, Федор Петрович, вставайте, – зашептали вокруг, и чьи-то услужливые руки уже брали его под локти, понуждая подняться. – Государь вас прощает». «Не встану, – повторил Гааз и, подняв голову, взглянул в глаза Николая Павловича, излучавшие стужу, вселявшие трепет и требовавшие повиновения. – Помилуйте его, государь. Он уже не злодей – он старик. Ему семьдесят, и он не дойдет до Сибири. Буду перед вами на коленях, пока вы его не помилуете». Уголки твердо очерченных губ Николая Павловича дрогнули, обозначая улыбку. «Неисправим, – обронил он безо всякого, впрочем, осуждения. – Вообразите: он на меня даже шурина моему, Фридриху, жаловался, отчего до сей поры моей волей не упразднен в России прут. Каково?!» Тотчас возник слабый гул, в ко-

тором при желании можно было различить что-то о чувствительном немецком сердце, но также и о горбатом, которого исправить может одна лишь могила. «Однако надо же кому-нибудь в моей стране быть с добрым сердцем, – заключил император, выпрямив и без того по-военному прямую спину. – Наша строгость не возбраняет отзывчивости. Освобождаю его от этапа и вверяю, Федор Петрович, твоей совести».

Но ведь не всякий день государь посещает тюремный замок; и не всякий раз можно вымолить у него снисхождение к человеку в несчастье и узах. И это еще вопрос, кто более счастлив: приемлющий или дарующий, помилованный или милующий, бывший злодей Денис Королев или государь Николай Павлович. Ибо от Господа мы знаем, что блаженнее давать, чем брать.

О, как еще сильно равнодушие! какой холод вносит оно в мир! гляньте, как покрюшился он инеем! как безжизненно смотрят полузакрытые очи! как жаждет тепла и света и любви! но вместо того от ледяного дуновения цепенеет еще больше. И какую страшную власть над судьбами еще имеет мертвая буква! и как велико еще страдание людей. Одного Отца дети, отчего люди столь жестоки друг к другу? Отчего каждодневно не смиряют себя мыслью о краткости отпущенного всем срока и о предстоящем ответе на Страшном Суде? Ведь никого не щадит являющаяся почти всегда неожиданно смерть, после которой предстоит нам сделаться либо ангелом, либо демоном. Именно: стать или ангелом любви, или безобразным адским чудовищем, демоном, сжигаемым себялюбием, гордостью и бессильной ненавистью. Выбирайте. Братья! Отчего вы угнетаете братьев своих? Неужто память о скорбных тайнах нимало не умягчает вас? Miserere nostri, Domine, miserere nostri.* Господи! Не отврати Лица Своего от нас; промедления же Твои, скорее всего, лишь кажутся таковыми нетерпеливому в сострадании сердцу. Ибо замыслы Твои неведомы и пути неисповедимы. Делами без веры не оправдается грешный человек; но и вера без дел мертва. А посему – будем спешить творить добро, будем, пока хватает сил, утешать обездоленных, подавать милостыню и умягчать злые нравы. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, на Тебя уповаю. Non confundar in aeternum. Вовек не постыжусь... Произнеся внутри себя эти слова и утерев повлажневшие глаза, Федор Петрович хотел было перейти в другую комнату, побольше, куда Егор, он слышал, уже принес самовар. Что-то, однако, мешало ему завершить утреннюю беседу с Господом, и он, подумавши и посетовав на слабеющую память, все-таки вспомнил. В больнице пересыльной тюрьмы, едва жив от сжигающей его лихорадки, лежит пришедший на Воробьевы горы с последней партией молодой человек с открытым, чистым лицом, Гаврилов Сергей, студент. Написано о нем в сопровождающих бумагах, что убийца и приговорен к бессрочной ссылке, но он, рыдая, твердит, что невиновен.

* Помилуй нас, Господи, помилуй нас (лат).

Ты, Господи, Сам знаешь, сколь несправедлив бывает суд человеческий. Убийцу выдают глаза. Глаза этого молодого человека свидетельствуют о его невиновности.

Федор Петрович не стал уточнять, в чем состоит принесенное им ходатайство. В самом деле, Богу ли не знать побуждения воззвавшего к Нему сердца?

2.

Вместо чая он пил настой смородинного листа, разбавляя его кипятком. О настое Гааз отзывался в самых превосходных степенях, особо отмечая его благотворное влияние на успокоение нервов и пищеварение. В отличие от Федора Петровича старый его слуга и кучер Егор смородинный настой терпеть не мог, называл отравой и сиделке Полицейской больницы Настасье Лукиничне жаловался, что барин совсем спятил. Чай-де ему не по карману, брюзжал Егор, а Настасья Лукинична, полная, добрая, опрятная женщина в белом платке, сочувственно вздыхала и пододвигала ему чашку чая и кусочек сахара. Вольно ему всякую копейку тащить своим каторжникам. Он хоть и стал русским, но все равно немец. Что ж нам, в Москве, чаю совсем не пить, что ли?

К смородинному настою Федор Петрович с угрызением совести позволял себе две-три ложечки любимого им с детства вишневого варенья, вкус которого всегда омывал сердце теплой нежной волной. Как будто где-то рядом в просторной, сверкающей чистотой кухне в большом медном тазу матушка варила варенье, отчего по всему дому расплывался чудный свежий сладкий запах давшей сок вишни. Низко гудела прилетевшая на запах пчела. Он взмахнул рукой, сгоняя ее с блюдечка, и задумчиво смотрел, как она, покругившись, громко стукнувшись об оконное стекло и передохнув на подоконнике, нашла открытую форточку и улетела к липам Мало-Казенного переулка. Ногой толкнув дверь, вошел Егор с тарелочкой жидкой гречневой каши, чуть подбеленной молоком.

– Кошки ноне лутше едят, – буркнул он.

Федор Петрович безмолвно принял за кашу.

– Вы... того... не спешите... Куды спешить-то? Обождут.

– А что, – между двумя ложками осведомился Гааз, – пришли?

– Старуха, а с ей внучек, должно быть. Я велел ожидать. Припрутся ни свет, ни заря, а ты для них все бросай.

Федор Петрович взглянул на часы. Они висели на стене, справа, над книжным шкафом. Маятник со стуком отбивал неостановимый ход времени, повторяя, вразумляя и наставляя: как здесь, так и там, как здесь, так и там... Давно собирался попросить, чтобы эти слова были написаны, а лучше – вырезаны в полукруг над циферблатом. Как здесь, так и там. Только что показывали семь, а уже восьмого часа пять минут. Куда ты стремишься, жизнь? Рядом с часами помещены были два портрета. С одного пронизательно и несколько насмешливо взирал

на Федора Петровича и его скромнейшую трапезу пожилой господин во фраке лондонского дыма, то бишь дымчато-сером, с золотыми пуговицами, рубашке со стоячим воротником и белом батистовом галстуке, завязанном бантом. На втором чуть наморщил лоб почтенный генерал в мундире с эполетами, аксельбантами, звездами и крестами на груди, но с лицом удивительно добрым и уж совсем не воинственным. Господин во фраке был Зотов Николай Николаевич, граф, вольнодумец, не признававший ни Бога, ни черта, ни рая, ни ада и донимавший Федора Петровича едкими речами о промахах Божественного промысла. Экая вокруг гадость, брезгливо поджимая губы, говаривал он, экие мелкие, скверные, злобные людишки. И куда, спрашивается, глядел ваш Творец, когда велел им плодиться и размножаться? Славный же генерал был Бутурлин Николай Григорьевич, многих войн и боевых походов участник, с которым Федор Петрович познакомился пропасть лет назад, в Смоленске, в тринадцатом, кажется, году, когда милостью Божией и, увы, превеликой кровью гнали Буонопарта из России. Оба они были Гаазу не только душевными друзьями, но и великими благотворителями, из чьих неоскудевающих рук он бесцельно черпал для своих арестантов и больных. Творивших добро, да примет их Господь Бог во Царствие Своем. Оба ушли и доподлинно узнали, что как жил здесь, на земле, так будет тебе и там, на небе.

Как здесь, так и там, выстукивали часы. Напротив, на противоположной стене висела превосходнейшая копия «Мадонны» Ван-Дейка, в свое время восхитившая Федора Петровича в доме почетного гражданина и купца Федора Егоровича Уварова и от него полученная в дар. Младенец Христос прильнул к Ее плечу, а Она, полуобернув голову, глядела на Него с проникающей в сокровенную глубину сердца любовью, нежностью и печалью. Какой же драгоценнейший подарок сделал милейший Федор Егорович, драгоценней ничего нет на свете. Мадонна с Младенцем, в них все упование наше. Всем припадающим к Ней со своими горестями и заботами Она говорит словами, с которыми обратилась к служителям на брачном пире в Кане Галилейской: что скажет Он вам, то сделайте. *Quodcumque vobis dixerit, facite.* От Иоанна Евангелие, глава вторая, стих четвертый. Господи! Воздай сему доброму и приятному человеку во сто раз более духовного богатства, чем то, каковое он оторвал от себя ради жертвы ближнему.

Из правого верхнего угла комнаты смотрели на Мадонну три лика с горящей лампадкой перед ними: самого Спасителя, Его Матери с Богомладенцем на руках, список с Казанского Ее образа, и молодого еще человека со светлым взором – мученика и целителя Пантелеимона, в некоем высшем смысле собрата Федора Петровича по врачебному искусству.

Егор убрал самовар, тарелку, чашку и, буркнув, что еще двое явились, ушел было, но минуту спустя снова сунулся в дверь с вопросом: куды сначала поедем. Голубчик,

после некоторого раздумья ответил Гааз, уже имея перед собой чистый лист бумаги, перо и чернильницу, пожалуй, в пересыльный замок, а оттуда в комитет.

– Опять цельный день в бегах! – недовольно заметил Егор, но Федор Петрович или не услышал его, или сделал вид, что не слышит.

Он обмакнул перо в чернильницу, отряхнул, дабы нечаянно не получилось кляксы, и принялся быстро, четким почерком, почти без помарок писать своему бывшему воспитаннику и крестнику Николаю Агапитовичу Норшину на желтоватом небеленом листе бумаги. «Я, кажется, уже неоднократно высказывал вам свою мысль, что самый верный путь к счастью не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми». Этот Николай Агапитович, сейчас красивый молодой человек с черными блестящими глазами, черными же и пушистыми бакенбардами, спускавшимся до уголков рта, и доброй улыбкой, был когда-то хилый еврейский мальчик Лейба. Едва жив, он прибрел с этапом в Москву, где бы и помер, не случись рядом Гааза. Федор Петрович его выхлудил, вырастил, выучил, и Николай Агапитович, пойдя по стопам крестного отца, окончил университетский курс, стал врачом и уже несколько лет практикует в Рязани. Прекраснейшее и достойнейшее дело избрал он, ибо медицина поистине царица всех наук и первый помощник страждущих. Однако и врачу зачастую надобно напоминать: исцелился сам. О чем – иными, правда, словами – не уставал внушать студентам знаменитый врач и профессор Иенского университета Христиан Гуфеланд. Врач без нравственных качеств, назидательно говорил он, есть чудовище! Чудный старик с огромным лбом, седыми, почти до плеч спадающими волосами, и острым, умным, чутким лицом. Гуфеланд, университет, Иена... О, молодость! Федор Петрович вздохнул, улыбнулся и продолжал: «Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, словом, любить их...»

Запечатав письмо, он еще раз взглянул на часы. Восемь без десяти. Он извлек из ящика стола рукопись своего многолетнего, излюбленного труда – не о медицине, нет! – о Сократе, мыслителе и человеке, который, несмотря на разделяющие их века, казался ему одним из самых близких людей. Душа и тело, наслаждение и страдание, жизнь и смерть, память и забвение – таковы, если кратко, занимающие Сократа и – добавим – всякого истинного философа вопросы, таков был им вслед ход размышлений Федора Петровича, чуть запнувшийся на последних словах, с которыми сей великий сын человечества ушел из жизни. Мы, сказал он своим друзьям, должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте. Асклепий, размышлял Федор Петрович, бог врачевания; петух, скорее всего, по тогдашним афинским обычаям приношение ему за исцеление... Но о каком исцелении может идти речь, если Сократ уже выпил чашу с цикутой и обречен смерти? Во-

семь раз пробили часы. Егор отворил дверь, и в комнату, поклонившись, вошла высокая худая старуха со строгим лицом, а с ней вместе – мальчишечка лет десяти, русоголовый и ясноглазый, в портках с большими заплатами на коленях и старенькой, с чужого плеча, косоворотке синего ситца навывпуск, подпоясанной красным пояском.

– Внук? – Федор Петрович положил руку на худенькое плечо мальчика.

Тот сжался, как испуганный зверек, и замер, исподлобья поглядывая на доктора и переминаясь с одной босой и грязной ноги на другую, такую же.

– Внучек, – басом ответила она. – Ванечка. У ево, дохтур, кака-то шишка в паху выперла возля причиндалов и болит, а он плачет.

– Посмотрим, посмотрим, – покивал Гааз. – А ну-ка, Ванечка... Тебе не надо страшиться. Такой чудесный. Мы будем друзья, так?

– Так, – покорно вышептал мальчик.

– Подними рубашечку. А порточки опусти, не стесняйся. Ага!

Под тощим животом, справа от маленького копыца выдавалось нечто вроде опухоли величиной с детский кулачок. Федор Петрович чуть надавил на нее. У Ванечки из синих глаз брызнули слезы.

– Бо-о-о-ль-но-о! – зарыдал он.

– Всё, всё, – утешил его Гааз и, порывшись в кармане сюртука, отыскал конфету и протянул мальчику. – Вот тебе награда.

– Кланяйся, – пробасила старуха, – благодари барина. Ты такого сроду не видал.

– Скажи-ка, матушка, – обратился к ней Федор Петрович, – и давно это у него?

– А года, считай, два. Отец ево, Царство Небесное, – она повела глазами в правый угол комнаты и перекрестилась на образы Спасителя, Казанской Божией Матери и Пантелеимона, а затем, несколько подумав, и на «Мадонну» Ван-Дейка, – кузнец был. А Ванька ему што-то больно чижолое ташчил и пуп, должно, сорвал себе, сирота моя. Надсадился. Оно и выперло. А болеть-то у него, не так давно болеть-то стало, на Троицу, пожалуй. И все сильней.

– Теперь, – велел ей Гааз, – слушай внимательно. У него ущемление грыжи... кишка давилась, выпятилась и мертвеет, ее надо убрать. Если оставить, она все отравит, и тогда... – Он покачал головой. – Плохое дело будет. Я тебе пишу записку, – Федор Петрович сел за стол и быстро набросал письмецо Андрею Ивановичу Полю, близкому своему другу, но мало того, что другу, но и лучшему, пожалуй, на сегодняшний день в Москве хирургу, – с ней пойдешь в Екатерининскую больницу... Где Сухарева башня знаешь? Ну вот. От нее мимо Странноприимного дома, по Мещанской и в переулочек налево. Адрес тут есть, кто грамотный попадет – прочтет. И кому моя записочка, тоже написал. Тебе, Ванечка, не надо бояться. Тебе доктор

Андрей Иванович сделает маленькую операцию, и будешь здоров. На многия лета!

Федор Петрович привлек к себе мальчика, обнял и поцеловал, отчего тот вспыхнул, как маков цвет. Затем, велел им подождать, Гааз отправился в спальню, к стоявшему там низкому, темного дуба комоду с тремя рядами ящиков, по два в каждом ряду. В правом верхнем хранились портреты папеньки и маменьки, которые со щемящим, сладостным, горьким чувством и любви, и вины он иногда рассматривал перед сном. В соседнем ящике под замочком лежала довольно вместительная шкатулка с крышкой, изукрашенной перламутром и бирюзой. Ключ от ящика хранился тут же, на комоду, под бронзовым колокольчиком, каковой вместе с ковриком и иными согревающими душу мелочами Вильгельмина привезла из Мюнстерайфеля. О местопребывании ключа знали, должно быть, все, а уж Егор во всяком случае, на что родная сестрица пока жила здесь едва ли не повседневно указывала неразумному брату. Конечно, она была права. Федор Петрович кивал, соглашался, но как-то не находил для ключа лучшего места. Вильгельмина возмущалась, становясь при этом похожей на старую рассерженную гусыню, на взгляд Гааза, впрочем, весьма милую. «Жизнь в России отучила тебя от порядка!» – кипела сестрица и, помимо неподобающего бережливому хозяину хранения ключа, ставила брату на вид непочтительность Егора, лавочников, норовящих обмануть ее на каждой покупке, свойственную москвитам лукавость, отвратительно вымытые полы, а, главное, его, Фрица, непозволительно-легкомысленное отношение к нажитому честным трудом капиталу. «Дом! Имение! Фабрика! Где все это?!» Федор Петрович то возводил смущенный взгляд вверх, то опускал его долу, совершенно против воли отмечая при этом, что полы, быть может, и не сверкают, как в отцовской аптеке, но вымыты весьма прилично. Бронзовый колокольчик тихо звякнул. Солнце приходит в Россию раньше, и в Бад-Мюнстерайфеле еще, должно быть, не сели завтракать. Он открыл ящик, откинул крышку шкатулки и после краткого раздумья вынул из нее десять рублей ассигнациями по рублю и прибавил к ним двугривенный. Двугривенный на извозчика, десять же рублей скоро издержатся на лечение. Он еще подумал и быстро, словно таясь самого себя, извлек еще пять рублей, захлопнул шкатулку, замкнул ящик, накрыл ключ колокольчиком и поспешными шагами вышел из спальни.

– Вот, матушка, – торопливо проговорил он, взяв старуху за руку и вкладывая деньги в ее шершавую грубую ладонь, – тебе в помощь и на лечение... И не меня благодари, а добрых людей и Бога. Ступайте, ступайте! Бери извозчика и в больницу. Ванечка! – придержал он мальчика. – Никто, кроме Бога. Ты понял?!

Они ушли – явился изможденный, хотя и не старый годами мужик, Семен Авдеев, с жалобой, что грудь заложено, ломит и не продохнуть. Федор Петрович определил

у него воспаление в бронхах, дал микстуру, велел много пить теплого молока с медом и несколько дней пролежать, тепло-претепло укутавшись. Поразмыслив, он прибавил еще и каломель – облегчит и поможет организму справиться с болезнью. Вслед за тем он снова совершил маленькое путешествие к комоду, завершившееся извлечением из шкатулки пяти рублей и незамедлительным их вручением. Вместе с ними после вопроса: грамотен ли? и утвердительного ответа вручена была сочиненная Гаазом книжечка под названием «Азбука христианского благонравия».

– Ты ведь, голубчик, произносишь какие-нибудь бранные слова? Кто-то тебя рассердит, а у тебя внутри все так закипит, закипит! – и ты о нем неприлично выразишься. Ведь так?

Семен Авдеев взглянул на него с изумлением, как на человека, до сего бывшем в здравом уме, но вдруг сморозившем несусветную чушь.

– А как же?! Барин! Он, значит, меня и туды, и сюды, а мне, значит, молчком, да тишком што ли? Не-ет...

– А Бог?! – с выступившими на глазах слезами Федор Петрович схватил Семена за руку. – Бог – Он все слышит! Всякое твое бранное слово слышит. А кого ты бранишь? Человека. А кто есть человек? Образ Бога и Его подобие. Кого ж ты бранишь, рассуди, голубчик?! – дрожащим голосом воскликнул Гааз. – Подумай еще, что ты болен. Я очень верю, ты поправишься и будешь здоров, и я тебе в том помогу. Ну, а вдруг? – даже прошептал последнее слово Федор Петрович. – Бог тебя призовет, а с чем ты уйдешь? С дурным словом на устах? С осуждением ближнего? С нехорошим чувством в сердце? Голубчик! Пока не поздно! Ты почитай, почитай эту книжечку... О, я понимаю, трудно тебе живется... У тебя семейство? Детки?

– Живых четверо, а младшенький, пятый, nonешней зимой... – Семен Авдеев сглотнул, и на тощей смуглой его шее вверх-вниз дернулся острый кадык, – ...помер он, Митенька. И баба моя как его схоронили... – Темными тусклыми глазами с красными прожилками на белках он посмотрел на Гааза. – Будто в воду ее опустили. До сей поры сама не своя.

– Ах, горе! – с волнением отозвался Федор Петрович и сокрушенно покачал головой. – Но ты все-таки помни, и тебе станет легче, обязательно! что мы в нашей жизни всего лишь путешествуем, идем, бредем к другой жизни, блаженной, где все встретимся, все обнимемся, все живые... Навсегда живые, – твердо прибавил он и направился в спальню, дабы еще раз открыть шкатулку и присовокупить к пяти рублям хотя бы три, или четыре, или, всего лучше, еще пять.

Семен Авдеев его остановил.

– Барин! – с просветлевшим лицом твердо промолвил он. – Ничего боле не надо. Ты и без того...

Он вдруг низко поклонился и вышел, оставив Федора Петровича в безмолвии на пороге спальни. ☺

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ АРХИЕПАРХИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В МОСКВЕ

ЭДИКТ

**Нижеподписавшийся Архиепископ Павел Пещи,
Митрополит Архиепархии Божией Матери в Москве,**

куда был переведён Канонический Процесс Беатификации Фридриха Йозефа Газа (Фёдора Петровича Газа) (1780-1853), называемого "святым доктором Москвы", рескриптом Конгрегации по Делах Святых от 9 января 2011, прот. № 2215-1/98, из Архиепархии Кёльна в Архиепархию в Москве,

после назначения Постулятором священника Джермано Марани SJ и после получения от него "Supplices Libellus" - прошение постулятора об открытии Процесса - распоряжается обнародовать данный эдикт в Кафедральном Соборе в г. Москве, в Кафедральном Соборе г. Кёльна, в Бад Мюнстерайфель (Германия) - месте рождения и происхождения Фридриха Йозефа Газа (Фёдора Петровича Газа) и на сайте Архиепархии Божией Матери в Москве.

Публично объявляет

о намерении открыть Епархиальное Исследование по Процессу о жизни, героических добродетелях и святости Фридриха Йозефа Газа (Фёдора Петровича Газа).

Эдикт направлен

Архиепископам, Епископам, священникам, верным католикам, православным и другим верующим. Если кто-то располагает какими-либо сведениями, полезной и важной информацией в пользу Процесса или против него, ещё не опубликованными до настоящего момента, просьба сообщить мне об этом перед официальным началом Епархиального Процесса. Данный эдикт будет приложен к Актам Епархиального Процесса.

Да ниспошлёт Господь Своё благословение на Процесс беатификации святого доктора Москвы и поможет нам привести его к завершению.

f. Mennig
 Архиепископ Павел Пещи,
 Митрополит Архиепархии Божией Матери в Москве

Ценность семейной жизни на примере семьи святого Людовика Французского

Чем больше мы узнаем святых, тем ближе они нам становятся. Познакомившись с семьей святого Людовика, мы увидим те же проблемы, с какими сталкиваются и наши современные семьи. Разница заключается в том, что его семья происходила из королевского рода и жила восемь веков назад в эпоху Средневековья, когда набожность была повсеместной. Давайте ближе познакомимся с притягательной личностью святого Людовика и с его семьей, чтобы применить эти знания в жизни собственной семьи.

Следует заметить, что мы не можем привести полный, исчерпывающий рассказ о семье святого. Предлагаю вам в дальнейшем самостоятельно исследовать эту тему и поразмышлять о прочитанном.

(По изданию: Жан Ле Гофф «Людовик IX Святой»)

Сначала вспомним самые важные даты из жизни святого Людовика:

25.04.1214 – Людовик родился в день св. Марка в городке Пуасси близ Парижа.

1218 – в четыре года Людовик стал наследником престола, так как умер его старший брат Филипп.

14.07.1223 – когда Людовику исполнилось 9 лет, умер его любимый дед Филипп Август, и королем стал его отец Людовик VIII.

8.11.1226 – умер Людовик VIII, похоронен в королевском некрополе на территории аббатства Сен-Дени.

29.11.1226 – в 12 лет Людовик был коронован и помазан на царство в Реймсе. До этого он был посвящен в рыцари в Суассоне.

1234 – в 20 лет Людовик женился на Маргарите Прованской.

1244 – Людовик начал подготовку к первому крестовому походу.

1248-1254 – первый крестовый поход, куда Людовик отправился вместе с семьей и братьями.

27.11.1252 – умерла мать Людовика Бланка Кастильская.

1254-1270 – время между первым и вторым крестовыми походами Людовика – это время государственных реформ. Людовик хотел превратить Францию в королевство Христа.

1270 – второй крестовый поход Людовика и последний из всех восьми крестовых походов.

25.08.1270 – Людовик умер в Тунисе от дизентерии. На пути похоронной процессии к королевскому некрополю в Сен-Дени Бог по заступничеству Людовика совершил 65 чудесных исцелений. Они стали поводом для канонизации короля.

21.0.1271 – тело Людовика перевезли в Париж и выставили в соборе Парижской Богоматери. На следующий день совершились похороны в Сен-Дени.

21.12.1295 – в Париже умерла королева Маргарита.

4.08.1297 – Папа Бонифаций VIII издал в Орвьето декрет о канонизации Людовика.

11.08.1297 – торжественная канонизация.

25.08.1297 – в 27-ю годовщину смерти

Семейная среда

святого Людовика его мощи были помещены в реликварий за алтарем в Сен-Дени. Отслужена торжественная месса с благодарением за канонизацию. Присутствовали многочисленные свидетели процесса канонизации, среди которых был биограф Людовика и участник первого крестового похода Людовика – Жан де Жуанвиль. Кроме простого народа, горожан, рыцарей, священников и вельмож присутствовал также внук святого – король Филипп IV Красивый.

17.05.1308 – Филипп Красивый разделил мощи св. Людовика между знаменитыми личностями и храмами, вручая их в качестве реликвий.

Октябрь 1309 – Жуанвиль преподнес будущему Людовику X свой труд «Деяния Людовика Святого, короля Франции».

**На основе разнообразных
родственных связей
и взаимоотношений
попробуем понять,
какая атмосфера царила
в королевской семье.**

Святой Людовик был вторым сыном Людовика VIII и Бланки Кастильской. По обычаю королевского рода Капетингов Людовик VIII дал первенцу имя своего отца, Филиппа, а второму сыну – нашему святому – собственное имя, Людовик. Он вошел в историю как Людовик IX, один из череды многочисленных королей Людовиков.

Семья, в которой воспитывался святой Людовик, была многодетной. Всего родилось десять детей. Такое число записали историки, хотя наверняка детей было больше (некоторые умерли в младенческом возрасте). В истории они не сыграли никакой роли, поэтому летописцы не упоминали о них. Многодетность семьи была гарантией, что даже при высокой детской смертности многие дети доживут до зрелого возраста. Это также прекрасное свидетельство открытости к жизни, характерное для того времени – как в королевской семье, так и в семьях с самым низким общественным статусом.

Семья Людовика включала много поколений, что гарантировало передачу опыта и традиций – семейных и политических. Несмотря на ореол исключительности, связанный с королевским происхождением и привилегиями власти, святой Людовик вел обычную жизнь как внук, сын, брат своих многочисленных братьев и сестер, а впоследствии – как муж, отец и дед.

Отец

Об отце святого Людовика – Людовике VIII – можно долго рассказывать, если вспомнить его военные достижения. Но мало что можно сказать о его участии в воспитании сына – наследника. Людовику VIII, который возглавлял крестовые походы против еретиков на юге Франции, против катаров и альбигойцев, не хватало времени заниматься с детьми. Примечательно, что святой Людовик ничего не рассказал потомкам о своем отце. Это объясняется тем фактом, что король-отец мало повлиял на жизнь святого наследника, а также – как предполагает Ле Гофф – Людовик, вероятно, не слишком хорошо знал своего отца (там же, с. 571–572).

Дед

Нельзя переоценить роль деда в жизни внуков. Бывает, что в семье, где не хватает отца, находится кто-то другой, кто прекрасно исполняет эту роль. Именно так было и в случае святого Людовика, который получил «образец» мужских поступков от деда – Филиппа Августа. Дед воспламенил душу будущего короля самыми благородными идеалами, он призывал наследника к великим и отважным деяниям, учил самостоятельному мышлению и основам военной стратегии. Многочисленные подтверждения этим фактам мы можем найти в сочинении Жана де Жуанвиля «Деяния Людовика Святого, короля Франции». Там

приводятся многочисленные высказывания короля-деда по самым разным поводам: от оценки работы слуг до дел государственной важности. К этим высказываниям, судя по всему, Людовик обращался почти в каждой жизненной ситуации. Это свидетельствует о необычайной близости деда и внука, о долгих часах, которые они проводили в бесконечных разговорах. Людовик сохранил много хороших воспоминаний о деде. Слова деда вошли в «сокровищницу мыслей», из которой постоянно черпал свою премудрость уже взрослый Людовик IX.

Влияние деда во многом определило жизненный путь и характер Людовика, наряду с христианской верой, любовью к членам семьи, желанием передать веру детям, а также интересом к науке и к сочинениям Отцов Церкви. Нельзя переоценить этих особых отношений, о которых святой Людовик постоянно вспоминал в моменты, когда требовалось принимать поистине соломонины решения.

Отец может отсутствовать по многим причинам, но в большой семье наверняка найдется дед, который передаст своим внукам то, в чем они больше всего нуждаются: опыт и жизненную мудрость, преподнося их в привлекательной и убедительной форме. Если бы Людовик не помнил всех этих мудрых советов деда, каким он стал бы

человеком? К счастью, память о бабушке вела Людовика по опасным путям королевской власти как самый лучший путеводитель. Филипп Август оказался настоящим учителем для своего внука, научив его практическому взгляду на жизнь. Людовик в «Поучениях сыну Филиппу» вспоминает о мудрых решениях деда, который заменил ему отца в том, что касается передачи лучших традиций и жизненного опыта. Святой передал эту мудрость своим детям (ср. Поучения, в: Деяния, № 750).

Мать

«Что посеешь, то и пожнешь». В случае святого Людовика жатвой стала святость. В детстве и юности он получил католическое воспитание благодаря предусмотрительной матери, которая выбирала для наследника престола и других своих детей лучших воспитателей и преподавателей из Парижского университета. Следуя семейной традиции, она старалась всесторонне воспитывать королевских наследников.

Людовик в двенадцать лет остался без отца и стал королем. Править королевством от имени несовершеннолетнего сына начала его мать, Бланка Кастильская. Пока

Людювик не достиг совершеннолетия, она опекала и сына, и государство. Многие смотрели на королеву-мать недоброжелательно, считая, что она искусственно продлевает сроки своих полномочий.

Близость матери и сына не ослабла даже после совершеннолетия Людювика. В 1234 г. он женился на Маргарите Прованской и начал самостоятельно править королевством. Форму этого правления можно определить как совместное правление сына и матери. Однако уже в 17 лет Людювик мог принимать самостоятельные решения по делам королевства. Так было, например, во времена так называемого бретонского военного похода в 1231 г., когда Людювик действовал как суверенный монарх. При необходимости, если речь шла о делах государственной важности, Людювик противоречил матери. Так было, когда пришлось вмешаться в управление Парижским университетом по причине серьезных волнений. Другим подобным случаем, несомненно, был спор с епископом из Бове в 1235 г. Тогда Людювик выступил не только против епископа и матери, но также и против Папы, который склонял короля изменить свое решение. Папа грозил отлучением от Церкви, если Людювик не захочет подчиниться. Но, разумеется, дело до этого не дошло, поскольку Папа нуждался в поддержке короля Франции для борьбы с немецким императором. В конце концов, Людювик добился своего, убедившись в правильности принятых решений и доверяя своему чувству справедливости. Жуанвиль утверждает, что будущий святой не видел противоречия между уважением к Церкви и твердой позицией в тех вопросах, которые также касались Церкви.

Итак, хотя королева-мать имела большое влияние на сына, Людювик мог действовать независимо от ее мнений. Было одно только исключение, о котором мы расскажем ниже. Судя по всему, отношения между сыном и матерью были ясно очерченными, и в случае конфликта интересов матери приходилось уступать. Тем не менее, Бланка управляла Францией совместно с Людювиком IX. Власть матери не была и не могла быть равной власти сына, поскольку это противоречило бы престижу королевского величия и дворцовым условностям. Однако именно свою мать, как наиболее доверенное лицо, Людювик назначил регентшей на время первого крестового похода в Святую Землю.

Братья и сестры

Отношения Людювика с братьями и сестрами были исполнены уважения и любви. Он также заботился о том, чтобы обеспечить их материально. Людювик выступал в качестве исполнителя отцовского завещания, распоряжаясь королевским имуществом и обеспечивая своих братьев и сестер.

Братья входили в число наиболее доверенных совет-

ников Людювика в том, что касалось политической, общественной и экономической ситуации во Франции. Видимо, отношения были гармоничными, поскольку от взаимного доверия и сотрудничества все получали определенную выгоду: братья находились под защитой королевской власти, а Людювик, в свою очередь, мог полностью на них положиться. В случае необходимости он просил братьев о любой помощи, не опасаясь какой-либо угрозы с их стороны или необоснованных притязаний. Король рассказывает о своих отношениях с братьями в «Поучении Филиппу», своему сыну, уча заботиться о близких: «Люби своих братьев, всегда желай им добра, займи место отца, чтобы учить их всему доброму, но берегись, чтобы из-за любви к кому-либо из них ты не пренебрег совершением добра и не совершил неподобающие поступки». (Деяния, № 751).

Внешние факторы, например, экономические и политические дела государственной важности, а также личные события из жизни близких людей, всегда были поводом для объединения всей королевской семьи. Одним из таких событий было посвящение в рыцари младших братьев короля. Это происходило по установленному порядку и являлось большим событием для всего королевства – обряд вступления младшего брата короля в возраст зрелости. Обряд совершался со всей возможной торжественностью и роскошью, будучи также знаком вступления в наивысший общественный класс: в рыцарское сословие. Кроме того, отныне брат короля допускался к самостоятельному управлению наследством. Людювик лично посвящал братьев в рыцари, они получали графский титул и собственное графство. Посвящения происходили по очереди: Роберт в 1237 г. получил титул графа Артуа; Альфонс в 1241 г. – титул графа Пуатье; Карл в 1246 г. – титул и графство Анжу. Жан де Жуанвиль описывает в «Деяниях» торжество посвящения в рыцари Альфонса в 1241 г. По его словам, царил атмосфера общей приподнятости и радости. Это было самое великолепное торжество, какое он только видел в своей жизни (Деяния, № 93-98). Так выразилась любовь святого Людювика к младшему брату.

Среди братьев не было разделения на высших и низших. Хотя, конечно, Людювик, будучи королем, сохранял главенство. Братья же гордились, что являются братьями короля Франции. Следует упомянуть, что за взаимоотношениями братьев следила мать, которая пользовалась у них весьма большим авторитетом.

Любопытным событием, которое проливает свет на отношения между Людювиком и его братьями, стало строительство аббатства Ройомон (1229–1234). По завещанию Людювика VIII это аббатство особым образом следовало посвятить молитве за живых и умерших членов королевской семьи. Это был поистине королевский монумент, возведенный руками королевской семьи, ближайших родственников и окружения. Во время строительства

король собственноручно переносил камни для возведения стены. Около девятого часа он выходил на работу, носил камни и строительный раствор на носилках, идя первым в паре с одним из монахов. Он призывал к труду и своих младших братьев: Роберта (13 лет), Жана (10 лет), Альфонса (9 лет) и Карла (2 года), на что они охотно откликнулись. Хотя их труд был только символическим, братья соединялись с королем в труде во славу Божию.

Подобным событием, свидетельствующим о единстве королевских братьев, было также «принятие креста» Людовиком. Он обещал Богу «взять крест» в благодарность за возвращение здоровья и способности говорить, утраченной во время болезни в 1244 г. Братья единодушно сделали то же самое, отправившись вместе с королем в крестовый поход (1248–1254). Де Жуанвиль сообщает, что все три брата короля дали обет сопутствовать Людовику в крестовом походе (*Деяния*, с. 43). Во время сражений в Египте погиб брат короля – Роберт, граф Артуа.

Среди сестер Людовика была сестра Изабелла, младше его на девять лет (1223–1269). Вместо удела, выделенного по наследству, король назначил ей высокое денежное пособие. Изабелла, отказавшись от предложения выйти замуж за Конрада, сына немецкого императора Фридриха II, выбрала скромную, почти аскетическую жизнь при королевском дворе. В 1259 г. она пожертвовала клариссам средства для основания монастыря в Лоншане, где и укрылась через несколько лет. Изабелла не стала монахиней, но она была очень близка Людовику, поскольку отреклась от мира и делила с братом желание святости. Святость обоих была признана Церковью, хотя беатификации Изабеллы пришлось ждать до 1521 г.

Жена

Браки в Средневековье обычно устраивали родители молодых, руководствуясь, прежде всего, выгодой, которую мог принести брачный союз. Такое понятие, как «брак по любви», в ту эпоху отсутствовало. В духе своего времени поженились и Людовик и Маргарита, старшая дочь Раймунда Беренгера V, графа Прованса. Это была выгодная партия для Людовика, так как земли, принадлежащие королю Англии, переходили во французскую сферу влияния. Этот процесс завершился в 1265 г., когда младший брат Людовика Карл заключил брак с младшей дочерью Раймунда, Беатрис. Таким образом, «прованский» брак стал элементом антианглийской политики французского двора. По современным представлениям, такой брак наверняка был выгоден, но необязательно оказался бы счастливым. Однако в этом случае вышло иначе. Когда в 1234 г. Людовик и Маргарита пошли под венец, это стало ключевым моментом их жизней, открывающим путь к долгому и счастливому супружеству. Маргарите тогда было 16 лет, Людовику 20 лет.

Венчание совершилось в Сансе 27 мая 1234 г. На свадьбу прибыла вся королевская семья, а также высокопоставленные духовные лица и миряне. Архиепископ спросил присутствующих, не известны ли им препятствия к заключению этого брака. Затем он велел жениху и невесте подать друг другу правые руки – этот жест выражал обоюдное согласие, – и после этого молодые поклялись друг другу в вечной любви. Архиепископ благословил и окادил кольцо, которое Людовик надел на палец Маргарите. Затем, по обычаю, Людовик вручил супруге 13 динариев и рукописный акт заключения брака. Из признаний Маргариты известно, что Людовик не приблизился к жене в первую брачную ночь, соблюдая библейские «три ночи» Тоии, рекомендованные в то время Церковью.

Читая историю святого Людовика и его жены, мы понимаем, что это был счастливый брак. Супруги охотно проводили время вместе, окруженные толпой детей. Всего Маргарита родила Людовику одиннадцать детей. Эту идиллическую картину несколько портила личность Бланки. После свадьбы сына Бланку называли королевой-матерью, а Маргариту – молодой королевой. Папа Бонифаций VIII в булле о канонизации Людовика называет Бланку отважной женщиной, подобной героиням Священного Писания. Но, тем не менее, в качестве свекрови, обладая сильным характером, она не могла избежать стычек и ссор с невесткой. По оценке Жуанвиля, Бланка вела себя строптиво. Напряженность отношений видна из разговора Маргариты и Жана де Жуанвиля сразу же после получения известия о смерти Бланки: «Когда я пришел туда и увидел ее плачущей, то сказал ей, что воистину, как говорят, нельзя верить женщинам: “Ибо умершая (Бланка) была женщиной, наиболее вами ненавидимой, а теперь вы выказываете по ней такую скорбь!” Маргарита же ответила, что плачет не из-за королевы, но из-за боли, которую испытывает король, погруженный в траур.

Королева Бланка доставляла королеве Маргарите немало страданий. Бланка не могла стерпеть, что ее сын пребывал в обществе жены не только вечером, удаляясь на покой. Замок, где охотнее всего обитали король и обе королевы, находился в Понтуазе. Опочивальня короля размещалась сверху, а опочивальня королевы Маргариты ниже. Супруги обычно беседовали на лестнице, ведущей из одних покоев в другие. Когда привратники видели, что королева-мать идет в покои короля, своего сына, они стучали алебардами, и король бегом возвращался в свои покои, чтобы мать застала его там. Так же поступали привратники королевы Маргариты, когда королева-мать шла к ней. Однажды король сидел у постели своей жены, которая была близка к смерти после тяжелых родов. Королева Бланка подошла, взяла своего сына за руку и сказала: “Идите отсюда, тут вам нечего делать”. Когда королева Маргарита увидела, что мать провожает короля, то крикнула: “Увы! Вы не позволяете мне видеть моего господина ни умирающей, ни здоровой”. Тогда Маргарита потеряла сознание, и казалось,

что она умерла, а король, думая, что супруга скончалась, возвратился, и с великим трудом его привели в чувство» (Деяния, № 606–608).

Жан де Жуанвиль был возмущен поведением Бланки. Мы можем объяснить это типичным напряжением в отношениях между властной свекровью и невесткой. Эта ситуация показывает, что и святые сталкиваются с подобными трудностями. Может быть, Людовик не умел сказать решительное «нет», а может быть, не хотел столкнуться с последствиями оскорбленной гордости одной из сторон. Это, наверно, одна из немногих трудностей, с которыми молодой король не мог справиться, пока мать не умерла. Иногда Бог разрешает дело лучшим образом – даже если приходится немного подождать. Напряженность упомянутых отношений может объяснить то, почему Маргарита решила отправиться в крестовый поход вместе с Людвигом, подвергая себя и детей великим опасностям военного похода. Но эти опасности казались ей малозначимыми по сравнению с властным присутствием Бланки.

Дети

Как уже упоминалось, Маргарита родила Людовику одиннадцать детей (двое умерли в младенчестве), из которых трое пришли на свет во время крестового похода. Это был гармоничный брак, исполненный любви. Супруги окружали любовью также своих детей. Очень характерно, что Людовик воспринимал воспитание детей в ве-

ре как особую миссию, данную ему Богом. Он передавал самое лучшее – любовь к Богу – тем, кого больше всего любил. Все содержание «Поучений Людовика» («Завещание»), адресованных сыну Филиппу, как и содержание «Поучений», адресованных дочери Изабелле, королеве Наварры, по-видимому, подтверждает эту миссию святого Людовика. Свидетельством являются такие слова: «Я так благословляю тебя, дорогой сын, как отец должен благословлять сына (...). Живи так, чтобы по завершении земной жизни мы вместе могли предстать перед Ним (Христом) для перехода в вечную жизнь, где мы сможем Его видеть, любить и бесконечно поклоняться (Деяния, № 754).

Стоит упомянуть, что Людовик никогда не упускал случая укрепить веру своих детей. Он имел обыкновение приглашать в часовню Сен-Шапель знаменитых богословов и проповедников – например, святого Бонавентуру. Из 113 парижских проповедей, которые Бонавентура произнес в 1257–1269 гг., девятнадцать проповедей предназначались для святого Людовика и его семьи. Святого Людовика, благодаря его образу жизни, можно назвать «отцом по призванию» в полном смысле этого слова: «Отправляясь на покой, он звал к себе детей и рассказывал им о деяниях добрых королей и добрых императоров, говоря, что следует брать пример с этих людей. Он рассказывал также о делах злых властителей, которые из-за своей распущенности, насилия и жадности утратили свои королевства. “Я рассказываю вам все это, – говорил он, – чтобы вы не поступали таким образом, иначе Бог обратится против вас”. Он учил детей читать часы Матери Божией и также читать в его присутствии ежедневные часы, чтобы приучить наследников к слушанию часов в будущем, когда они будут управлять своими землями» (Деяния, № 689). Казалось, что Людовик таким образом платит долг благодарности своим воспитателям и учителям. Среди них самыми важными были его мать и дед, но прежде всего Христос, Который являлся для короля наивысшим авторитетом.

Наследник святого Людовика, Филипп III, в письме, где он уведомлял всех подданных о смерти отца, дает прекрасное свидетельство о своем предшественнике: «Несомненно, великое благо – иметь такого отца, но это и невыразимая боль – утратить столь великое и сладостное утешение, столь совершенные беседы, столь мудрые и полезные его советы».

Еще прежде чем Людовика объявили святым Католической Церкви, его дети и внуки могли следовать примеру его святой жизни. Бог в своей неизреченной благодати воистину царил в сердце короля

«ВСЁ ЕСТЬ ТОГДА, КОГДА НИЧЕГО

к 100-летию со дня рождения
о. Яна Твардовского

ДЛЯ СЕБЯ...»

Десять лет назад в Издательстве Францисканцев вышло в свет первое русскоязычное издание о. Яна Твардовского: «Размышления о пожеланиях Иисуса» (прежде этого польского автора в России знали по стихотворным переводам, включавшимся в антологии современной польской поэзии; самая полная подборка вышла под редакцией Андрея Базилевского в 1993 г.).

Вскоре после того как книга была напечатана, сестра Мария Стецка, усилиями которой этот проект был осуществлен, привезла экземпляр в Варшаву и передала его автору, который в тот момент находился в больнице. Для него было большой радостью увидеть свою книгу, вышедшую в России, и он положил ее рядом с собой, на больничную тумбочку. 16 января 2006 г., за два дня до своей смерти, Твардовский сделал на этом экземпляре книги дарственную надпись, адресованную своей многолетней ближайшей сотруднице и редактору Александре Ивановской. А 18 января о. Ян Твардовский продиктовал свое последнее стихотворение – «Иисус, уповаю на Тебя» (впервые публично прочитанное, в соответствии с волей автора, в день его похорон):

*Вместо смерти
Ты прими
с улыбкой Боже
жизнь мою
что как розарий
пред Тобю*

В те дни в Издательстве Францисканцев завершалась подготовка к печати первого русского томика стихов о. Яна Твардовского, и получилось, что это стихотворение было включено в русское издание прежде, чем вошло в польские сборники...

Мне кажется, то, что его книги выходят в русском издательстве, связанном с именем святого Франциска Ассизского, особенно радовало Твардовского, учитывая его безусловное духовное родство с францисканской традицией. Известная поэтесса Анна Каменская однажды заметила: «Если бы святой Франциск был современным поэтом, он писал бы так, как Ян Твардовский». Слова польского поэта-свя-

щенника «о смерть – минута великой надежды» созвучны хвале за «сестру нашу Смерть» св. Франциска, а фраза «всё есть тогда, когда ничего для себя...» перекликается со словами из хорошо знакомой францисканской молитвы: «... кто даёт, тот обретает, кто о себе забывает – находит себя...»

Имя о. Яна Твардовского в Польше носят десятки школ, гимназий, библиотек... Но главное – что спустя десять лет после смерти поэта внимание к его творчеству не ослабевает, произведения Твардовского издаются и переиздаются как в Польше, так и в других странах, неся читателям свет, надежду и любовь.

Игорь Баранов

Ян Твардовский

Памяти проф. Марии Длуской*

Святой Франциск Ассизский
вслед за Тобой и рад бы я –
да только нет во мне святости
от Библии голова болит

Рыбы меня не слушают
птицам слова сказать не умею
у храма пёс покусал меня
и сердцем я всё роёбу

Прекрасны леса и горы
и розы красой пленяют
но из чудес природы
мне ближе трава простая

Ни плодов ни колосьев
затоптанная негустая
травка моя сестричка
кармелитка босая

(ок. 1956), 1980, 1993
пер. Андрея Базилевского

Молитва святому Иоанну Креста

Святой Иоанн Креста, когда разгар лета
и коростель отзывается, глухой отголосок луга,
овечка с колокольчиком блеет, шелестит перепёлка,
брось мне мальву и назови Иоанном Божьей
Коровки

(ок. 1956), 1986
пер. Игоря Баранова

Ежели...

Ежели ты, мил-друг,
не научился быть наедине с собою,
ежели ты
хватаясь за память, как за расшатанные перила,
ежели роешься в побитых молюю своих
воспоминаньях,

ежели ты, отошедшему не давая покоя,
пытаешься выволочь его за пуговицу с того света,
ежели бросаешься на шею первой попавшейся
кукле,
ежели, словно козу,
пытаешься доить чужое сердце,
ежели ты
раздуваешься перед людьми тромбоном,
ежели ты
выстукиваешь, словно копытами, зёрнами
розария твоего, –
так уж и быть:
по предмету «религиоведение»
натяну тебе с минусом тройку.

1966
пер. Евгения Рашковского

Спешите

Анне Каменьской

Спешите любить людей — они так быстро уходят
после них остаются ботинки и глухой телефон
только то что неважно плетётся словно корова
важнейшее так быстротечно что происходит
внезапно
затем тишина как обычно значит вовсе
невыносима
как чистота рождённая попросту из отчаянья
когда о ком-то мы думаем без него оставаясь

Не будь убеждён что есть время уверенность
ненадёжна
она чуткость у нас отнимает как и любое счастье
приходит одновременно как пафос и юмор
словно два сильных чувства но одного слабее
так быстро уходят оттуда умолкают как дрозд
в июле
как звук немного неловкий или холодный поклон
чтобы действительно видеть они закрывают глаза
хотя рискованнее родиться чем умереть
мы любим всегда слишком мало и всегда слишком
поздно

Не пиши об этом так часто лучше раз и навсегда
и будешь подобно дельфину сильным
и добродушным

* Мария Длуская (1900–1992) – известный польский филолог, работала в университетах Кракова, Львова и Люблина, обладатель многих научных наград; некоторое время была в новициате Ордена босых кармелиток.

Спешите любить людей — они так быстро уходят
а те кто не уходят возвращаются не всегда
и никогда не известно если речь идёт о любви
первая станет последней или последняя первой

1971, 1986

Перепёлка

Перепёлка что откликаешься громче
всегда на восходе или заходе солнца
действительно ли только две есть чистых минуты
эта ранняя светлая и та что на закате
когда Бог даёт новый день и когда его забирает
когда кто-то меня искал и я ему вдруг не нужен
когда кто-то меня любил и я вдруг один остаюсь
когда я рождаюсь и когда умираю
две лишь секунды что всегда наступают
одна из них белая другая же тёмная
настолько искренние что обе нагие
настолько вне нас что и нас уже нет

1976

Без изменений

Молодые бегущие стайкой
идущие парами взрослые
старики в конце жизни каждый отдельно
только сердце без изменений
всё трудится втайне как пчёлка
в любви оно ищет любви
перед смертью великой и чистой

1976, 1979

переводы Игоря Баранова

Не плачь

Не плачь. Это просто крест
так надо где бы ты не был

Не дрожи. Это просто любовь
рана в горбушке хлеба

а ты как дрозд смешной
в ожиданье дрожиди
легче не знать что было чего не было

Задумался ангел
хотел взять слово но
вот уже он взлетает в небо

1979

Семистишие

Как прекрасна плохая погода
забавен генерал опоздавший
как строг весёлый снег
растянутое поутру солнце в полдень округло
какое тощее голое жалование
как далеко близкое сердце
как коротка долгая жизнь

1979

переводы Андрея Базилевского

Тяжело

Вот видишь – говорила мне мать –
отрёкся ты от родного дома
от женщины
от ребёнка что постоянно бегаёт потому что
летать хотел бы
и от волненья – когда любовь подкатывает к горлу
теперь же тебя мучит
вот эта кружка с голубой каёмкой
после меня пустое место за столом
ботинки о которых говорил ты
что как и все другие – для продажи
а не для ношенья
часы что ходят после смерти
и ты стучишь в незримое окно
глядишь как цапля в одну точку
и видишь как легко отречешься
и тяжело лишиться

1980, 1986

Без часовни

Есть такая Божья Мать
у которой нет часовни
не умеет быть на месте
ей пришлось пройти Катюнь
по отчаянию идёт
тех встречает кто не верит
но не плачет
понимает

1988, 1989

Не только мы

Мы читаем – Бог так возлюбил мир...
а значит не только людей
но и трясогузку
и обкуренную пчелу
и франта-ежа одетого прямо с иголки
даже мула который ни то ни сё
ведь ни конь он и не осёл
(жаль что его сотворил человек
живёт он как холостяк без детей)
и грушу цветущую сразу же вслед за яблоней
листочки ландыша почти без стеблей
телёнка что за мамой плетётся
а мы так принимаем к Богу
словно Он должен в мире любить только нас

1989, 1990

пер. Игоря Баранова

Он

Тень какая-то
зависла под окном
а надо мной
бесприютные тучи
сделаю вид
что нет меня дома
а он всё стучится
а я не открываю...
и мысленно отвечаю:
– Поздно уже. И темно.
Спрашиваю наконец:
– Да кто ты такой?
– Твой Бог
с любовью Моей неразделённой

1991

пер. Евгения Рашковского

Старые люди

Они порошков не любят
морщатся от аспирина
ждут любви доброты
возвращения отца и матери
как в детстве
всему удивляются
рады рождественской ёлке
тоскуют зимой о весне

Старики – это дети которым вдруг
пришлось повзрослеть

1996

пер. Андрея Базилевского

Возвращение

Дай мне руку с гвоздём посередине
дай мне к первой любви
устами припасть
и верни как молочные зубы
целомудренной совести власть

1996

Без

Длинный длиннющий самый длинный
никакой ужасно обычный
худой тощий мертвец

день без молитвы

1998

В альбом

Скажи спасибо за страданье
умеешь ты иль не умеешь
ведь никогда без испытанья
любви ты цену не измеришь

1998

Только

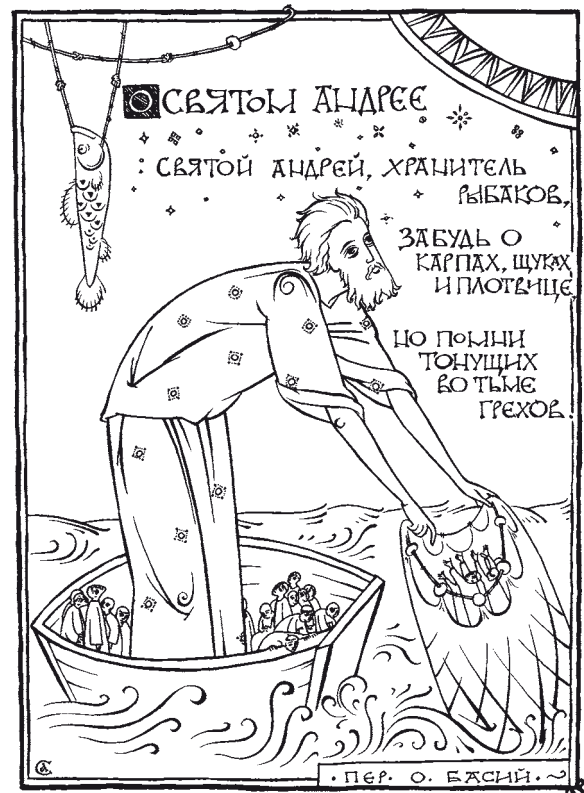
Минуют романы
достопочтенные браки
как слоны утомлённые своим весом
останутся только крохотки счастья
несбывшаяся любовь

1998

Пчела

Нет времени на свою смерть
так уж она решила
лишь иногда засыпает никогда не умирает
работа не тяготит
не мучит не затрудняет
маленькая бессмертная
среди смертных людей

2002

Хризантема

Никто бы и не подумал
никто бы не предположил
что тысячелистник растёртый
пахнет как хризантема

2002

Сокровище

Тот миг когда были мы рядом
познавая смирение лучше
я бы запер – чтоб не сбежал он –
на золотой ключик

2003

Молния

Грозы никакой не бойся
ведь говорит нам разум
молния бьёт в святого
в грешника реже гораздо

2003

Домой

Та любовь что по правде любовь
никогда не бывает грехом
ночью утром вечером днём
даже та обычная сумасбродка
что является вечно не к месту

пусть глядишь на неё с укоризной немой
коль не любишь её – не вернёшься домой

2004

Себялюбец

Эгоист и себялюбец
необходимый ёж
лишь о себе подумал
когда расплакался пёс

2004

пер. Игоря Баранова

Лекарство

Польский можжевельник – кипарис да и только
с лица
холостяк лучше вдовца

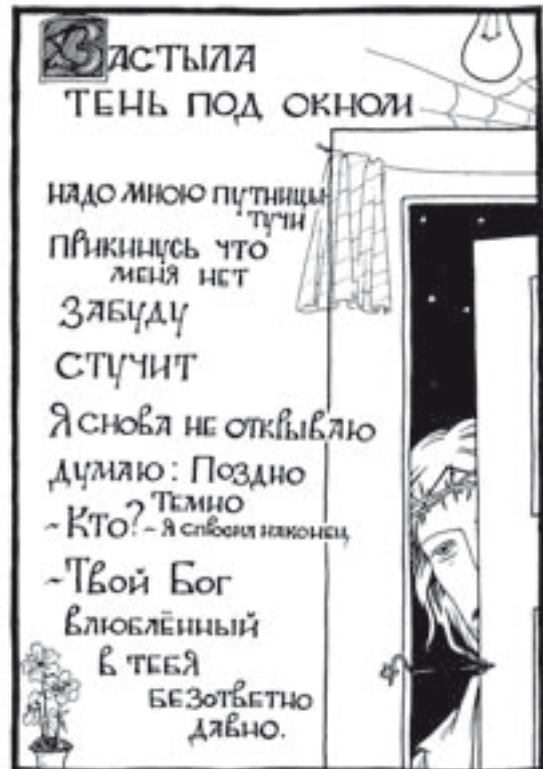
А толку чуть – всё пустые речи
не печалься
бессмыслица тоже лечит

2004

пер. Андрея Базилевского

Перевод стихов осуществлен на основе издания «Я поверил дороге: Избранные стихотворения 1932–2006»*. Под каждым стихотворением указан год первого издания. Помещенные под стихами две даты означают год первого издания и год публикации последней редакции текста.

* «Zaufałem drodze. Wiersze zebrane 1932–2006». Zebrała i opracowała A. Iwanowska. Wydanie nowe, uzupełnione, Warszawa, 2007.

Рисунки, вдохновленные стихами Яна Твардовского

Андрей Андреевич Синюшин – выпускник биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат биологических наук; в настоящее время – доцент кафедры генетики биологического факультета МГУ. Во время обучения в средней школе он окончил Школу художественных ремесел в Московском городском Дворце детского (юношеского) творчества на Воробьевых горах по специальности «декоративная роспись дерева», обучался в ряде секций художественного направления. «Я рисую дольше, чем осознанно помню себя, – говорит он, – но большинство моих работ последних лет – это иллюстрации. Мне всегда было проще воплотить на бумаге чей-то сюжет, чем придумать собственный, и рисунки стали для меня своего рода формой восхищения книгами, стихами, песнями».

Вот что художник рассказывает о своих работах, вдохновленных стихами Твардовского:

С поэзией о. Яна Твардовского я впервые встретился ещё в студенческие годы – наверное, где-то в сети. Среди многих произведений, претендующих на духовность, эти стихи меня поразили своей непохожестью на всё, что было знакомо ранее.

Для меня стихотворения о. Яна Твардовского – это что-то из далёких, а потому романтизируемых времён, когда ещё не сложились ни литургический, ни иконописный каноны; когда юная Церковь ещё не была разделена воображаемыми границами на «ваших» и «наших». Именно поэтому мне показалось, что уместными будут иллюстрации, похожие на книжные миниатюры и на детские рисунки одновременно.

Что-то в этих стихах было не до конца понятным – возможно, из-за необычной формы, почти лишённой знаков препинания. С другой стороны, это давало возможность наделить стихотворения каким-то собственным смыслом.

Удивительно в творчестве Твардовского то, что во многих стихах он так просто, напрямую обращается к Богу. Я даже не готов назвать это молитвой

в привычном значении, хотя в этих обращениях есть и славословие, и благодарность, и просьба. Это какое-то особенное в своей дерзновенности общение. Простое общение, как с родным или другом. И настолько же непринуждённый разговор с нами, читателями.

Такое понимание Бога, Его мира и места человека в нём было и остаётся очень близким мне. Создавать иллюстрации к стихам Твардовского – это особое удовольствие, потому что, при всей их необычности, они достаточно осязаемые, зримые.

Было бы – в качестве несбыточной мечты – очень интересно поговорить с о. Яном Твардовским лично, но такой возможности уже нет. Остаётся радость от соприкосновения с его творчеством; радость встречи с тем, кто достиг высоты простого и ничем не заслоняемого общения с Богом. ☺

Анна Гольдина

Певец потерянной страны

*Мою ладонь без свечки не оставь,
когда наполнит темнота сей дом:
как в темноте Твой свет вдали увижу?
Как зов услышу Твой,
когда один останусь на постели
и хлад безмолвный тело обоймет?*

Марк Шагал

(Перевод с идиша Льва Беринского)

Эти строки принадлежат удивительному человеку, известному самобытному художнику. Его не причислишь ни к одной школе, ни к одному направлению. Он загадочен, даже непонятен. Тем не менее его картины можно разгадать, расшифровать, как ребус, как старинную рукопись. И это бу-

дет очень в стиле и духе той культуры, к которой он принадлежал.

Марк Захарович Шагал – художник, которого советская критика называла французским, а французская, напротив, русским. На самом деле он был творцом без родины, потому что страны, к которой он принадлежал и в которой черпал вдохновение, никогда не было на карте. Идишленд, местечки и городки за чертой оседлости, еврейское население Российской империи, говорившее на идиш. Они были носителями очень своеобразной культуры и ментальности, которая почти дотла была сожжена в газовых камерах. Пытаясь разгадать искусство Шагала, стоит обратить свой взгляд именно туда, на опустевший дом, на родину художника.

Моисей Хацкелевич Шагал родился в Витебске. Фамилия его отца указывает на то, что его очень далекие предки были левитами, т.е. принадлежали к колону Израилевому, несшему служение в Иерусалимском храме. Фамилия происходит от аббревиатуры «сган левия», «человек из колена Леви». Впрочем, семья Шагалов уже давно не имела никакого отношения к левитам. Они были самой обычной еврейской беднотой, ничем не выделявшейся среди других жителей Витебска. Отец Моисея, впоследствии ставшего Марком, был простым рабочим в лавке селедочника. У матери был небольшой бизнес, она держала продуктовую лавочку, в которой трудилась вместе со своим дочерьми. Оба деда Шагала были людьми уважаемыми. Один был резником, т.е. человеком, занимающимся убоем скота согласно иудейской традиции, что требует особого мастерства. А второй был кантором, ведущим богослужение в синагоге, а также учителем в еврейской школе.

Все члены семьи Шагал были хасидами. Это направление в иудаизме, по многим своим проявлениям близкое к христианству. Главное в нем – радость, основанная на понимании и принятии Милосердия Божьего. Нередко про хасидские синагоги презрительно отзывались «плясуны». И, действительно, иудеи, придерживающиеся этого направления, славят Бога и танцем, и исполнением молитвенных мело-

дий, называемых «нигун». В их молитвенной пластике и мирозерцании много необычного и, на первый взгляд, непонятного. Но вся их жизнь пронизана Торой, Пятикнижием Моисеевым, и строится она на непрестанном диалоге с Богом.

Марк Шагал был плоть от плоти хасидского мира Витебска, хотя с годами он уже не относил себя к какому-либо течению и даже к какой-либо конфессии. В одном из писем художник писал: «Я не хожу ни в какую конкретную церковь или синагогу. Моя молитва – это моя работа». И так получилось, что картины Шагала стали, как отмечал Мартин Бубер, вершиной творческого проявления иудаизма. Стоит добавить, что они стали и лучшим памятником уничтоженной идишской цивилизации. Попробуем же разгадать картины Марка Шагала.

Если задать вопрос, что является отличительной чертой этого художника, то первое, что придет на ум, это – летающие персонажи. В картине «Прогулка» муж держит за руку летящую в небе жену. А в картине «Над городом» они летят вместе. Обе картины являются автопортретами художника с женой Беллой. И в каждой из них спрятано множество символов. В «Прогулке» они кажутся явственными и понятными, но только на первый взгляд. Вот мужчина стоит, широко расставив ноги, и держит за руку улетающую в небо жену. В его руке – синица, а жена, соответственно, – журавль. В его жизни есть все: и синица в руках, и журавль в небе. Но этим далеко не исчерпывается содержание картины.

Шагал изобразил себя в длинном черном лапсердаке, длиннополом сюртуке, который носили евреи черты оседлости. И это знак-напоминание. Об этом художник не один раз напишет в своих воспоминаниях: «Мое искусство родом из Витебска». И вот этот самый Витебск простирается у его ног. Но почему же он зеленый? Здесь стоит обратиться к хасидским источникам, чтобы понять, что зеленый цвет – это не только цвет победы, но и цвет надежды. И только далекая церковь остается в серо-розовой дымке. Там, рядом с нею, торговый центр городка. Там еврейский мир сталкивается с миром русским, в юности воспринимаемым художником как не совсем понятный и даже враждебный.

Говоря о зеленом цвете в творчестве Шагала, нельзя обойти стороной и картину «Музыка» («Зеленый скрипач»). Прототипом здесь стал дядя художника, который, как пишет в воспоминаниях Шагал, играл «как сапожник». Скрипач – это вообще символ еврейского народа. Тевье-молочник из знаменитого американского мюзикла «Скрипач на крыше» произносит такую фразу: «Евреи всегда балансируют, как скри-

пач на крыше». И вот шагаловский скрипач стоит на двух крышах и играет свою мелодию над Витебском. Лицо его зелено, потому что в нем живет надежда на лучшее будущее, на лучшую долю. На победу над нищетой, на победу над чертой оседлости. Он в бордовой праздничной одежде, и над его головой пролетает маленький Марк, сохранивший этот момент в своем сердце.

Но вернемся к картине «Прогулка». У ног изображенного мужчины – усыпанный цветами красный платок. А на нем штоф и один бокал. Сначала кажется, что это поле цветов и забытый после пикника графин. Но выпитый бокал напоминает о венчании, когда жених и невеста, стоя под хупой, свадебным

балдахином, пьют из одного бокала вино. Теперь у них все общее и они образуют единство, ведущее к совершенству. Стоит заметить, что на картине только один пустой бокал, а куда же делся второй? Дело в том, что во время свадебной церемонии опустевший бокал разбивают в память о разрушенном Иерусалимском храме. Пока он не будет восстановлен, иудеи скорбят о нем даже в самые радостные дни своей жизни. Изображенный на картине мужчина, словно дерево, вырастает из земли, головой упираясь в небо. И здесь тоже присутствует символика хорошо понятная хасиду того времени. Старинная притча говорит о том, что если муж Израиля твердо держит себя в руках и крепко стоит на ногах, то голова его касается неба. Таким образом, праведный иудейский мужчина соединяет земное и небесное. И тут птичка в руках приобретает совсем другой смысл. Стоит присмотреться к ней повнимательнее. Раздвоенный хвостик и белая грудка выдают в ней ласточку, не только символ весны и новой жизни, но и символ верности. Верности своему дому и верности Богу.

Над головой Шагала летит его жена Белла. Белла Розенфельд была восьмым ребенком в богатой еврейской семье. Она закончила с серебряной медалью русскую школу в Витебске. Это позволило ей продолжить обучение на женских курсах в Москве. Надо сказать, что будущая жена Шагала была девушкой незаурядной. Она поступает в Московский университет на историко-литературно-философский факультет и защищает две диссертации: «Освобождение русских крестьян» и «Достоевский». Дома девушку называли Бася-Рейза. Рейза – это розочка. И она действитель-

но была подобна розе. Не только хороша собой, но и наделена множеством талантов. Она оказалась талантливым публицистом, ее статьи выходили в газете «Утро России». Впоследствии, уже будучи женой Шагала, она написала несколько книг. В отличие от статей они были написаны на идиш, на языке, который уже начинал забываться. Мало того, Белла писала свои книги именно в тот период, когда фашисты активно уничтожали носителей идиш. Белла также была наделена актерским талантом и даже занималась в студии Станиславского. Марка она встретила в гостях у своей подруги. Так начался их долгий роман. Шагал уезжал учиться и совершенствовать свое мастерство в Париж. Она его ждала. Ее родители были недовольны выбором дочери, но Белла настояла на своем.

Почему же любимая жена и муза художника облачена в фиолетовый наряд? Потому что этот цвет олицетворяет смирение. Она отказалась от возможной карьеры, славы и своих амбиций, чтобы полностью посвятить себя своему мужу. Шагал подчеркивал, что ни одну из своих картин он не считал законченной, пока не показывал ее Белле, и она не высказывала свое мнение.

Им не суждено было прожить всю жизнь вместе. Белла умерла от осложнения после болезни. И тем не менее, она осталась музой художника до самой его смерти. Белла летала по его полотнам, являясь то тут, то там.

А в картине «Прогулка» она летает еще и потому, что таким образом раскрывается ее женское начало. Творчество Шагала глубоко связано с талмудической традицией, основанной на внимательном изучении библейских текстов. Во второй главе книги Бытия читаем: «И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа» (Быт 2, 23). На иврите слово «женщина» (אשה) будет звучать как «иша», производное от слова «иш» (איש) – «муж». Отличие всего, казалось бы, в одной букве. В слове «муж» присутствует буква «йуд» (י), а в слове «жена» буква «т» (ת) «хей». Буква «йуд» – маленькая запятая, которая занимает определенное пространство на листе. Вся ее сущность проявляется вовне. И так же мужчина – он проявляется вовне, во внешнем мире. А буква «хей» словно домик укрывает свое внутреннее пространство. В этом сущность женщины, которая оберегает свой дом, свой мир. Такова Белла, оберегавшая мир своего мужа. Она, словно птица над гнездом, порхает над городом, их общей родиной и источником вдохновения.

Если присмотреться, супруги как раз и образуют эту самую букву «хей», слегка корявую, но не теряющую при этом смысла. Созидающее единство – смысл иудейского брачного союза. Как и встреча протививо-

положностей. Слова «... и сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт 2, 18) раввины трактуют как «сотворим ему помощника, противника ему». Противника – того, кто стоит напротив и задает неудобные вопросы. Этим жена помогает супругу совершенствоваться, не замыкаться в себе, не возгордиться своей самодостаточностью. Еврейское понимание гармоничного брака именно в умении быть противовесом друг другу.

Взгляд на брачный союз как на единство «противников» мы находим во многих картинах Шагала. В картине «Свадьба» ангел заменяет хупу, свадебный балдахин, соединяя мужа и жену. Каждый из них имеет свое лицо, и, в то же время, они сливаются в единое целое. Бело-красный ангел также несет в себе черты объединения женского – белого и мужского – красного, начала. И в этом ангеле кроется еще и тайная надежда иудеев на скорое рождение Мессии, который может избрать любую еврейскую семью. Согласно древнему поверью, Мессия должен прийти в красных одеждах, поэтому крылья у ангела красные, а руки, благословляющие молодых, белые. Они передают всю женскую нежность Бога, обращенную к этой паре. На щеке невесты мы видим маленького человечка. Таким образом художник передает еще одну важную составляющую еврейского брака – исполнение заповеди «плодитесь и размножайтесь» (Быт 1, 28).

В этом двуцветном ангеле кроется и еще один секрет. Чтобы его понять, нужно снова обратиться к Священному Писанию. В словах «муж» – «иш» и «жена» – «иша» есть две общие буквы: «эш» (אש), «огонь». Это то, что их объединяет. Поэтому ангел цвета огня. Это огонь внутренней страсти, внутреннего поиска, который нужно уметь правильно направить,

чтобы послужить Богу. Как уже говорилось выше, буквы «хей» и «йуд» отличают эти два слова друг от друга. И именно с этих двух букв начинается Имя Божие, явленное Моисею на Синае. Таким образом, белый цвет лишний раз подчеркивает Божье Присутствие, Шхи ну, которое открывается во время молитвы. Этот ангел служит своеобразным мостиком к более позднему произведению Шагала, известному как «Белое Распятие», где написанный белыми красками Христос становится центром всего происходящего, зримой Шхиной.

В картине «Над городом» Марк и Белла уже вместе летят над Витебском. Это теперь несколько другой город. В нем уже нет абстрактности. Он скорее похож на иллюстрацию к детской книжке. Меняются и цвета одежд. Теперь надежда прячется не в городе, а в самом Шагале. А вот Белла одета в платье голубого цвета. Это один из любимых цветов иудаизма. В этом цвете сочетается и Божье благословение, и смирение, и верность Завету. Все это Шagal видит в своей Белле. Он несет ее над городом и в этом полете радость семейной жизни. И благословение, произносимое во время бракосочетания: «Дай же радость и нежность любящим, – как радовал Ты сотворенного Тобой в райском саду в древности. Благословен Ты, Господь, радующий

жениха и невесту». Эти слова делают пустой Витебск, над которым летят влюбленные, раем. Видимо, поэтому он и пустой. Они возвращаются в места, откуда некогда были изгнаны первые люди. И где-то внизу у забора их ждут дети, в которых – воплощение счастья и исполнение заповеди.

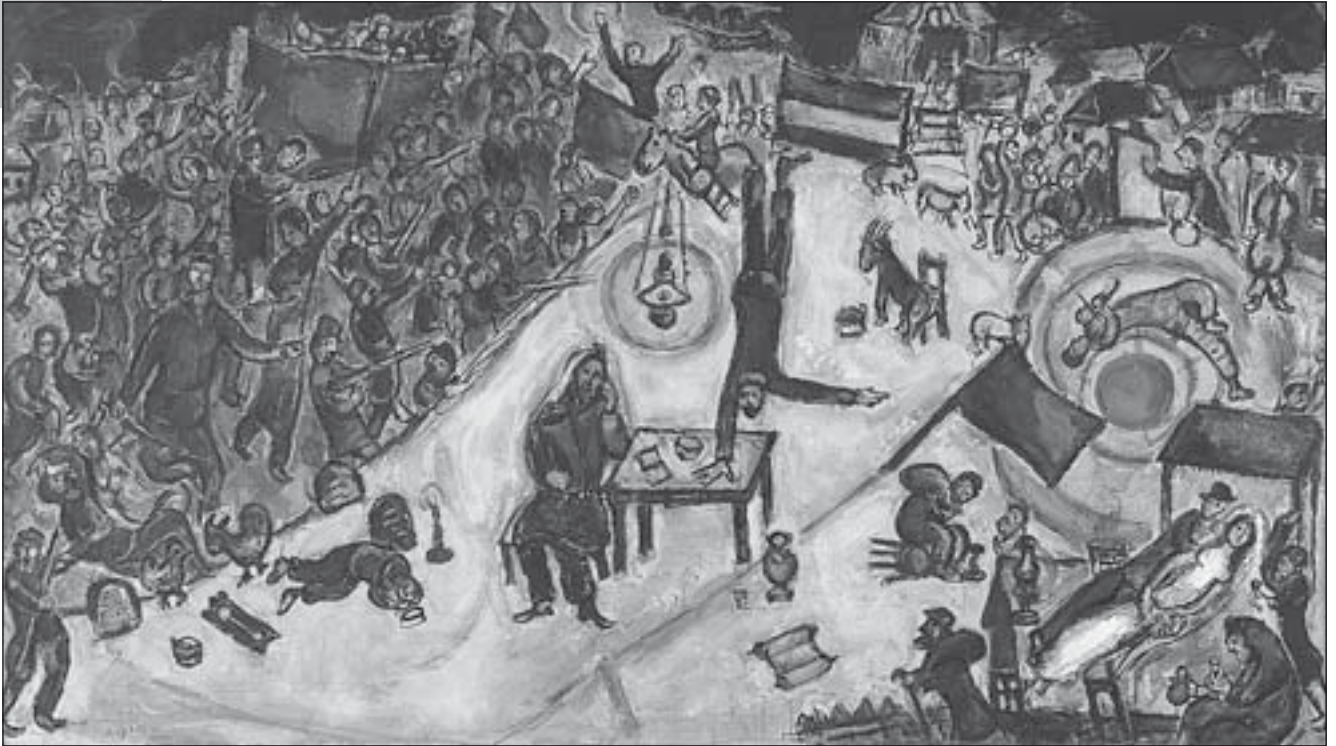
Как уже говорилось, Белла умирает. Они прожили вместе двадцать девять лет. Шагал не находил себе места после смерти жены. Потом в его жизни будут еще две женщины. Одна, Вирджиния Макнилл-Хаггарт, дочь бывшего британского консула в США, пробудет с ним всего три года, а потом покинет его, забрав их общего сына Давида. Через пять лет художник женится на Валентине Бродской, владелице салона моды в Лондоне и дочери известного сахарозаводчика.

Валентина, или как ее называли друзья, Вава, создала для художника практически тепличные условия. Теперь он мог творить в свое удовольствие, не думая о хлебе насущном. Наконец-то сбылась мечта его юности: созерцать и писать. Все остальные вопросы Вава взяла на себя. Единственное, на чем она настаивала, это чтобы с картин Шагала исчезли «равнины». Бродская была христианкой (католичкой) и хотела, чтобы муж больше внимания уделял Христу.

Надо сказать, что «равнины» были важной составляющей не только в творчестве художника, но и на пути его осмысления мира. Образ равнина – это образ еврейского народа, ищущего свое место в меняющемся мире. В 1933 году Шагал пишет картину «Одиночество». До массового уничтожения евреев еще

далеко, волна антисемитизма только поднимается. Она еще не столь страшна для евреев Восточной Европы, того самого Идишленда, который будет стерт гитлеровцами с лица земли. Евреи привыкли быть изгоями, привыкли быть иными в окружении христиан. Не зря же у Марка Шагала появляется картина «Вечный жид», на которой изображен одиноко бредущий бородатый мужчина с котомкой за спиной. Он идет не мимо местечка, а мимо деревеньки, которая четко определяет свою религиозную, христианскую, принадлежность маковкой с крестом. А за ним летит коза, белая коза. Это своеобразный козел отпущения, и только белый цвет его шерсти говорит о его невинности.

На картине «Одиночество» изображен уже не просто крестьянин. Перед нами – набожный иудей с талесом, молитвенным покрывалом на голове. Это полотно было написано во Франции, когда Шагалу удалось вырвать свою семью из горнила советской России. Шагалы покинули родину, но Витебск со всеми своими раздумьями и вопросами последовал за ними. Что может дать европейское еврейство другим народом? Поэтому изображенный иудей сидит со свитком Торы в руках. Это самое дорогое, что у него есть: весть о Завете с Богом, о Его Милосердии. Здесь же лежит скрипка, а рядом с ней – преклонившая колени корова. Она напоминает нам о валаамовой ослице, сумевшей, в отличие от своего хозяина, понять очевидное. Надо отметить, что средневековый сюжет с животным, преклоняющим колени перед святыней, характерен не только для христианского благочестия. О подобных чудесах мы читаем как в житии св. Антония Падуанского, так и в жизнеописаниях многих иудейских праведников. С той лишь разницей, что животные склонялись не перед Гостией, а перед свитком Торы. Белый цвет коровы напоминает нам о том, что она принадлежит Богу. Это невинное животное можно было бы принести в жертву всесожжения. Животное улыбается, потому что оно готово занять свое место на жертвеннике. В этой картине сплелись размышления о судьбах мира, судьбах еврейства и древние иудейские мысли об искупительной жертве, о жертве послушания. В этом изображении еврея в белом молитвенном покрывале и белой корове скрыт древний сюжет жертвоприношения Авраамом Исаака. И, подобно Аврааму, еврей сидит в раздумьях, держа в руках свиток, символ обетования. И, подобно Исааку, готовому стать жертвой и подчиниться воле Бога с полным доверием, корова сидит на земле. Да и сама ее поза напоминает нам изображения животных на жертвеннике. В ее улыбке – ожидание чего-то лучшего, чего-то, что способно победить даже смерть. И пусть у еврея тоска, почти отчаяние. Вот и скрипка

его замолчала, и ангел от него отлетел. Эта самая корова уже все поняла и уже знает ответ. При том, что картина называется «Одиночество», она производит очень светлое впечатление. И секрет здесь именно в улыбке коровы!

Через несколько лет Шагал создаст еще одну картину – размышление о судьбе России – «Революция». Полотно темное и страшное, словно выбивающееся из всего творчества художника. Оно создается в 1937 году. Перед живущим в эмиграции Шагалом встает вопрос: а стоило ли евреям размахивать флагами на баррикадах? Стоило ли вмешиваться в революционные процессы, чтобы вырваться за пределы черты оседлости? И снова в центре – пригорюнившийся еврей со свитком в руках. А рядом, за одним с ним столом, – Ленин, выполняющий акробатический этюд на одной руке. У его ног реет российское знамя, а белое снежное полотно делит все изображение надвое. Революционные массы с красными флагами и мир Витебска. И этот старый мир, плача и удивляясь всему происходящему, улетает из полотна. А еврей со свитком остается созерцать и ждать, чем же закончится весь этот страшный спектакль. «Тора, Библия, – писал Шагал, – это единственная моя надежда в жизни, я держусь за нее, с ней я пойду в будущее»

Тема размышления над судьбой еврейства найдет свое продолжение и в еще одном известном полотне мастера – «Белое Распятие».

О Христе Шагал задумывается еще в юности. В его воспоминаниях мы находим момент, когда он хочет даже спросить об этом любавичского ребе, великого еврейского мудреца и праведника. И вот размышления художника находят свое зри-

мое выражение на холсте. С этого момента Христос станет появляться на его полотнах, как и тема христианства в целом.

«Белое Распятие» стало своеобразным ответом Шагала на события Хрустальной ночи, когда в одну ночь были уничтожены все иудейские молельные дома и синагоги на территории Третьего рейха, разбиты магазины, принадлежащие евреям, множество людей убито и избито. Находясь уже в Нью-Йорке, практически чудом спасшись из Франции, где антисемитские настроения усиливались с каждым днем, художник читал газеты на французском языке. Говоря о своей первой «нееврейской» картине, он приводит слова одного из журналистов, наблюдавшего со ступенек Кельнского собора, как уничтожают еврейские магазины. Репортер рассказывает о двух женщинах, вышедших после утренней мессы, живо и с гордостью обсуждавших избиение евреев. «Вот видите, – писал Шагал, – они никогда не понимали Иисуса, одного из самых любящих наших рабби. Они идут с утренней мессы, и видели ли они Распятие или золотого тельца – эффект тот же. Я своей картиной хочу помочь христианам уйти от идолопоклонства христианского национализма».

Обнаженный Христос распят не на привычном кресте, а скорее на знаке «тау». Не стоит считать этот знак чисто христианским, францисканским. Ведь он пришел из иудейской традиции. Это – последняя буква еврейского алфавита. С одной стороны, она символизирует конец света. А с другой – у пророка Иезекииля есть такие слова: «Пройди посреди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, вздыхающих о всех мерзостях, совершавшихся среди него, сделай знак (тау)» (Иез 9,4). Иисус понимается Шагалом как символ жертвы за еврейский народ, и в то же время Он – Тот, Кто с наибольшим состраданием воспринимает муки Своего народа. И выбор такой формы креста не случаен. Он призван подчеркнуть мысль, которая в последующие годы будет пронизывать все творчество Шагала. Иисус – это связующее звено Завета Авраамова и Нового Завета. Марк Шагал не стал христианским художником и его искусство, даже когда он оформлял христианские церкви, продолжало сохранять свою ветхозаветную самобытность. Тем не менее, оно никогда не теряло своей символичности. И вот впервые на его картине перед нами предстает Христос, как связь двух миров, как ответ на вопрос, столь долго волновавший художника: «Куда подать еврею с его свитком Торы?»

Надпись над головой Распятого выполнена на двух языках. Одна – черным шрифтом на арамейском языке. Вторая – красным. Готическим немецким

шрифтом написано “INRI”. Этот шрифт должен был подчеркнуть, кто теперь правит миром. Красный же цвет вобрал в себя множество символов: от пролитой безвинной крови до красных знамен советской власти. Эти знамена присутствуют и на самой картине. В левом верхнем углу люди с кумачом в руках врываюся в горящее местечко. Здесь дома стоят с открытыми дверями, а собака ждет у стула хозяина, который никогда не вернется. Совсем рядом люди, плывущие на корабле. Это напоминание о страшной истории европейских евреев, которым удалось откупиться и на двух кораблях приплыть в Палестину. Но английские власти, контролировавшие в те времена эти территории, отказались пускать эмигрантов, заявив, что квота уже закрыта. И корабли развернули назад к печам Освенцима. Еще ниже мы видим человека, спасающего свиток Торы. Он бежит, потеряв обувь. И в этой потере обуви скрываются тоска и траур по умирающему миру. А рядом с ним – растерянный старик в голубой рубашке, который словно символизирует весь еврейский народ. На нем даже не желтая звезда, а надпись «я еврей», делающая изгоем в обществе Европы. Старик растерян и идет, не разбирая пути.

В правом верхнем углу мы видим горящую разгромленную литовскую синагогу. Стоит вспомнить,

что евреи называли Вильно, Вильнюс, литовским Иерусалимом. И вот сейчас пожар войны сжирает это место. И чтобы подчеркнуть трагизм происходящего, Шагал пишет не просто синагогу. В открытую дверь мы видим, как горит святая святых, место, где хранятся свитки Торы. Еврей, одетый в зеленый лапсердак, бежит куда-то с мешком за плечами. Зеленый – символ надежды – и вот она рушится. Он не думает о горнем, но просто о спасении. А под ним – мать с ребенком на руках. Ей некуда бежать и не у кого просить помощи. Она стоит практически у подножья Распятия, напоминая Деву Марию. Но нет для нее апостола Иоанна, только безысходность.

Близость именно этого персонажа к горящему светильнику, миноре, стоящему у ног Распятия, не случайна. В то время, как мужчины убегают, она остается. Стоит вспомнить, что суббота, шабат, начинается именно с молитвы, произносимой женщинами. Для Шагала шабат долгие годы был тем, что позволяло ему сохранить связь с родиной, с обычаями и укладом, в котором он вырос. И сейчас все это гибнет. Свечи потухнут, когда умрут женщина и ее ребенок.

В верхней части картины – испуганные праотцы: Авраам, Исаак и Иаков. Они видели с небес множество гонений на народ избранный, но такое массовое уничтожение видят впервые. Они испуганы и растеряны, как и прагматерь Рахиль. «Рахиль плачет о своих детях и не хочет утешиться, ибо их нет» (Иер 31,15).

Белая полоса пересекает картину, словно деля ее на две части. Этот прием нередко использует Шагал, чтобы выделить главную сцену: распятый Иисус, которому набедренную повязку заменил талес, молитвенное покрывало. Его глаза закрыты, лик печален. Может быть, он уже умер и не слышит стонов и плача Своего народа? К его кресту ведет лесенка. Такая же, как на картинах старых мастеров. Обычно по ней поднимаются ученики, чтобы снять мертвое тело и похоронить его. Но сейчас некому это сделать. Все разгромлено, все погибли. Ханукия, подсвечник, используемый на праздник, напоминающий о победе братьев Маккавеев, а также о победе света над тьмой, лежит в пыли. Теперь огонь не символизирует свет, но только уничтожение.

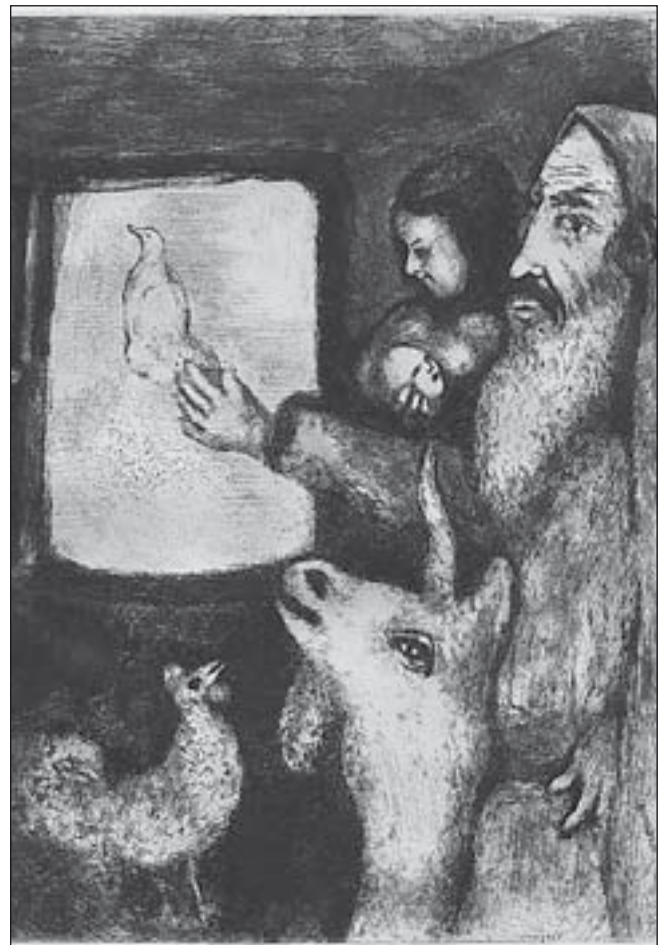
В этой картине запечатлена и горечь художника, оплакивающего свое погибшее творение. Шагал расписывал синагогу в Вильнюсе:

*Строенье старое и старенький квартал...
Лишь год назад расписывал там стены.
Теперь святейший занавес пропал,
Дым и зола летят, сгущая тени.*

В другом стихотворении он продолжает свое размышление. И перед нами приоткрывается завеса в мастерскую художника и в его душу:

*Еврей с лицом Христа спускается на землю,
о помощи моля: кругом разгром и жуть.
По ямам, точно зверь порой осенней,
все прячутся, чтоб выжил кто-нибудь.
Народ свой воскреси от слез и воя,
и крови, и забвенья уведи...
Где ж ты голубка – голубица Ноя,
летавшая победно впереди?*

Все последующее творчество художника будет пронизано поиском этой голубицы. Он будет всматриваться в лик Христа и мучительно искать ответа. И так навсегда останется выходцем из утерянного мира, даже когда связь с ним будет практически порвана. Он будет искать вдохновение в Библии. Снова и снова воплощать в своем искусстве ее сюжеты и символы, внося все новые смыслы и задавая новые вопросы. ☺

Непорочная Дева всегда была безупречна, любовь Ее всегда была полной, без малейшего изъяна. Она любила Бога всем своим существом, и любовь эта с самой первой минуты Ее существования таким совершенным образом связывала Ее с Богом, что ангел в день Благовещенья мог сказать Ей: «Благодатная! Господь с Тобой».

Св. Максимилиан Мария Кольбе

Издательство Францисканцев представляет:

Серия «Fons Monachorum»

Жан Леклерк:

«Любовь к словесности
и жажда Бога»

основу книги составили лекции
о средневековом монашестве

ТВОИ СЛЕДЫ

музыкальный альбом • CD

музыка и слова:

Дарий Харасимович OFMConv.

Католический еженедельник
2016

праздники • память святых • цитаты
для размышлений • основные
молитвы на каждый день • Святой
Розарий • молитвы за больных • литании

К STORE

книжный интернет-магазин для католиков и не только

store.icatholic.ru